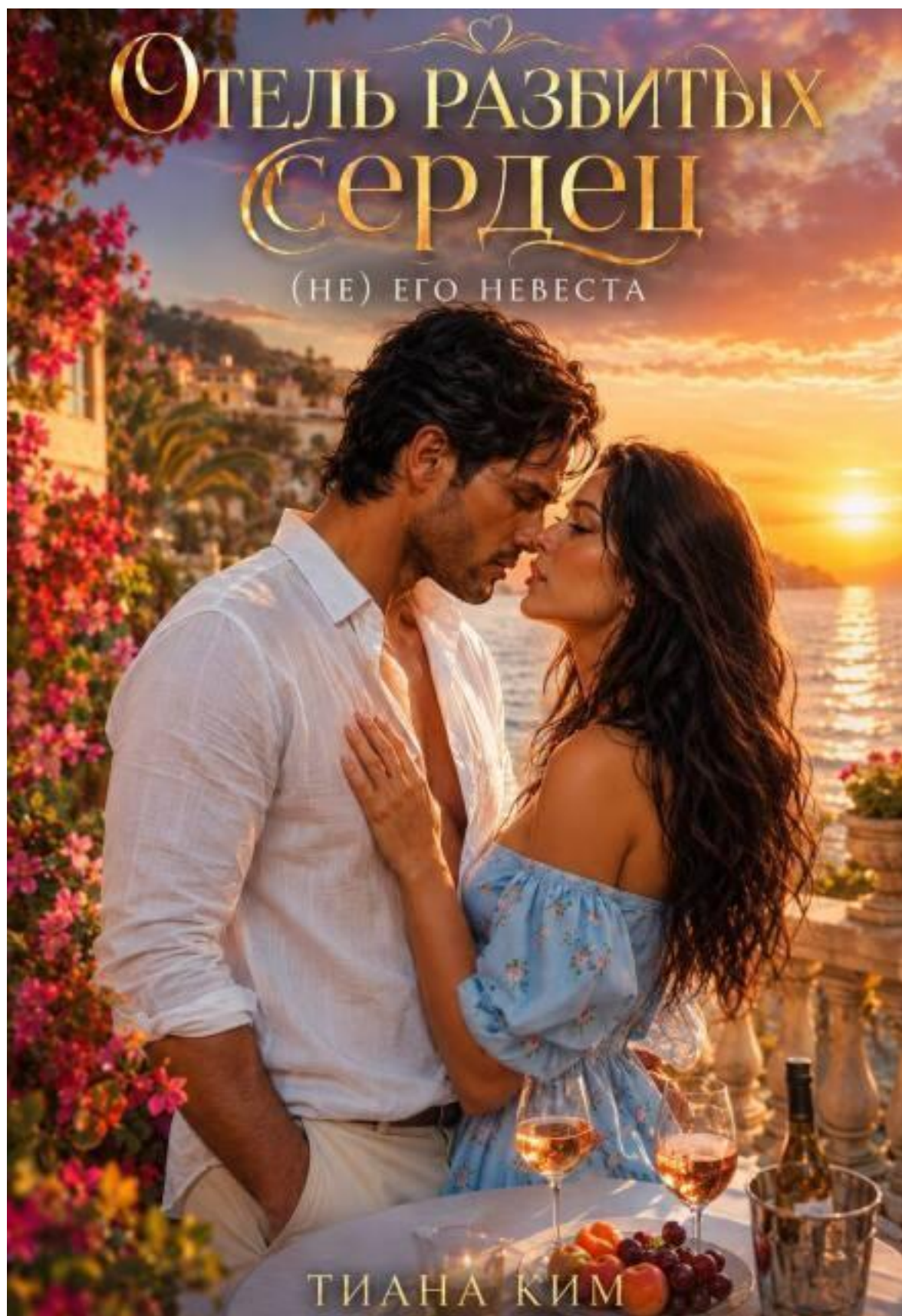

ОТЕЛЬ РАЗБИТЫХ СЕРДЕЦ

(НЕ) ЕГО НЕВЕСТА

ТИАНА КИМ

Тиана Ким

**Отель разбитых
сердец. (не) его невеста**

«Литнет»

2026

Ким Т.

Отель разбитых сердец. (не) его невеста / Т. Ким — «Литнет», 2026

Она была идеальной женой. Тихой, удобной, незаметной. Он был главным врагом её мужа — и её единственным шансом на новую жизнь. Когда Ася Князева узнаёт об измене мужа с лучшей подругой, её мир рушится. Шесть лет брака, шесть лет бежевых платьев и молчаливых ужинов — всё оказывается ложью. Муж оставляет ей развалины старого отеля и ни копейки денег. Её жизнь — руины. Но именно в этих руинах она находит себя. Конкурент мужа, Матвей Соболев, предлагает ей сделку: он вкладывает деньги в отель, а она становится его фиктивной невестой для крупных переговоров. Условия просты: никаких чувств, никаких обязательств, только бизнес. Но в их контракте не было пункта о том, что сердце не имеет права выбирать. Смогут ли два человека, привыкшие не доверять, построить не только отель, но и настоящее чувство? Или прошлое, которое они пытаются забыть, разрушит всё?

© Ким Т., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Шесть дней до развода. Понедельник	7
Глава 2. Вторник	12
Глава 3. Среда	20
Глава 4. Четверг	26
Визуал к главе 5	33
Глава 5. Пятница	34
Глава 6. Первая ночь	41
Глава 7. Инвентаризация жизни	47
Визуал к главе 8	53
Глава 8. Случайная встреча	54
Глава 9. Предложение	60
Глава 10. Я согласна	64
Глава 11. Строительство	70
Визуал к главе 12	78
Глава 12. Платье	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Пролог

Она пришла за час до открытия.

Здание суда было серым, как ноябрьское небо, как её настроение, как последние шесть лет жизни. Ася стояла у входа, сжимая в руке папку с документами. Пальцы замёрзли, но она не чувствовала холода. Она ничего не чувствовала — только пустоту внутри, которая когда-то была любовью, потом страхом, потом отчаянием. А теперь стала просто пустотой.

Из чёрной машины напротив вышел Вадим. Тёмные волосы, тёмно-синее пальто — то самое, которое она выбирала ему в прошлом году на распродаже. Он не смотрел в её сторону. Рядом — Карина. Короткая стрижка, красная помада, рука в его руке. Она что-то шепнула ему на ухо, он кивнул.

Ася отвернулась.

Она поклялась себе, что не будет смотреть. Не будет плакать. Не покажет им, что они победили.

В зале суда пахло пылью и казёнщиной. Судья — женщина лет пятидесяти с уставшим лицом — листала бумаги, не поднимая глаз. Адвокат Аси, невысокий мужчина с быстрыми глазами, положил ей руку на плечо. «Дышите», — сказал он. Она кивнула.

Вадим сел напротив. Карина устроилась на скамейке для зрителей — с видом королевы, которая пришла смотреть казнь.

— Стороны готовы? — спросила судья.

— Да, — сказал Вадим первым. Голос спокойный, уверенный. Голос человека, который не сомневается, что всё делает правильно.

— Да, — сказала Ася. И прозвучало это громче, чем она ожидала.

Судья начала зачитывать документы. Официальным, безжизненным голосом. Ася слушала и не слышала. Она смотрела на Вадима — на человека, которого когда-то любила больше жизни. На человека, ради которого отказалась от себя. И не узнавала его.

«Супруги Князевы... брак расторгнуть... общее имущество подлежит разделу...»

Она вдруг вспомнила первый год. Как он нёс её на руках через порог. Как говорил «ты моя навсегда». Как она верила. Как была счастливой — по-настоящему, безоглядно, глупо.

Интересно, где та девушка? Умерла? Или просто спряталась так глубоко, что её уже не откопать?

— ...алименты... — продолжала судья.

Адвокат Аси что-то вставил — про измену, про моральный ущерб. Вадим поморщился. Карина на скамейке злобно зашептала с кем-то по телефону.

— У вас есть что сказать перед решением? — судья подняла глаза.

Вадим молчал. Качал ногой под столом — нервно, нетерпеливо.

— Я хочу, чтобы вы знали, — сказала Ася. Не судье. Не адвокату. Вадиму. — Я не жалею, что вышла за тебя. Я жалею, что перестала быть собой, пытаюсь тебе угодить.

Вадим не поднял глаз.

Судья огласила решение.

— Брак между Князовым Вадимом Сергеевичем и Князовой Анастасией Андреевной считать расторгнутым.

Ася выдохнула.

Впервые за полгода — полной грудью.

Она встала, взяла папку. Прошла мимо Вадима, не глядя. Мимо Карины, которая демонстративно отвернулась к стене.

На выходе, уже на улице, её нагнал адвокат.

— Вы держались потрясающе, — сказал он. — Я думал, будет хуже.

— Хуже уже было, — ответила Ася. — Это просто формальность.

Она посмотрела на небо. Снегопад закончился. Из-за туч показалось солнце — бледное, но настоящее.

Ася достала из сумки телефон. Написала Кире: «Всё. Я свободна».

Ответ пришёл через секунду: «Поздравляю. Теперь начинается настоящая жизнь».

Ася убрала телефон. Застегнула пальто. И пошла пешком — не к метро, не к машине, не домой. Просто вперёд, по мокрой от снега улице, туда, где не было ни Вадима, ни Карины, ни прошлого.

Туда, где начиналась её новая жизнь.

Она не оглянулась.

Глава 1. Шесть дней до развода. Понедельник

Она проснулась за минуту до будильника.

Это было привычное чувство — внутренний хронометр, который ни разу не подводил за шесть лет брака. Ася открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок. Белый. Идеально белый. Она сама выбирала эту краску, потому что Вадим сказал: «Чтобы ничто не отвлекало».

Осторожно повернула голову.

Он спал на спине, откинувшись на подушку. Во сне Вадим Князев был почти красивым — исчезала оценивающая складка между бровями, разжимались плотно сжатые губы. Светлые волосы растрепались, и это делало его моложе. Ася смотрела на мужа и пыталась поймать то чувство, которое было в самом начале. Тот трепет, когда она боялась дышать в его присутствии.

Не поймала.

Она аккуратно поправила одеяло — Вадим не любил, когда оно сползало. Потом бесшумно встала и вышла из спальни.

На кухне было чисто. Идеально чисто. Она наводила порядок вчера вечером, после того как он ушёл на «встречу». Белые полотенца висели строго параллельно друг другу. Кофемашина блестела. Ася включила её, достала любимую кружку Вадима — чёрную, без надписей — и свою, белую с трещинкой, которую не выкидывала, потому что это была единственная вещь, купленная до замужества.

Кофе сварился. Ася разлила его по кружкам. Поставила на стол.

Стол был накрыт на двоих. Как всегда. Как каждое утро последних шести лет. Но в последнее время она всё чаще сидела за этим завтраком одна. Вадим выходил из спальни уже в костюме, с галстуком, который она завязывала ему накануне вечером. Целовал в лоб. Формально. Не глядя.

— Как прошла встреча в пятницу? — спросила Ася, услышав шаги.

Он появился в дверях кухни — идеально выбритый, пахнувший дорогим парфюмом. Тёмно-синий костюм сидел безупречно. Вадим не поднял глаз от телефона.

— Нормально.

Односложно. Сухо. Как будто она спросила, который час.

Ася поставила перед ним чашку. Вадим взял её, сделал глоток — она точно знала, что кофе правильной температуры, с правильным количеством сахара, — и поставил чашку обратно, даже не пригубив второй раз.

— Я побежал. Вечером поздно.

— Во сколько? — спросила Ася, хотя знала, что ответ не изменится.

— Не знаю. Не жди.

Хлопнула дверь.

Ася осталась одна. Смотрела на чашку Вадима — остывающий кофе, не допитый на три четверти. Она вылила его в раковину, вымыла кружку, поставила на место. Всё как обычно.

В стирке накопилось немного вещей. Ася решила разобрать их до обеда. Рубашки, пиджаки, брюки. Она всегда проверяла карманы — Вадим терял визитки, чеки, иногда ручки. Сегодня из кармана пиджака выпал маленький прямоугольник бумаги.

Чек.

Ресторан «Луи». Дата — пятница. Время — 20:47. Ужин на двоих: салат с креветками, ризотто с трюфелем, две порции медальонов, бутылка вина «Бароло» 2018 года. Сумма — семнадцать тысяч рублей.

Ася застыла с чеком в руках.

В пятницу Вадим сказал, что у него встреча с инвесторами. «Деловой ужин», так он выразился. Она приготовила себе суп из пакета и смотрела сериал. Одна.

Деловой ужин. С бутылкой «Бароло» на двоих.

Ася закусил губу. Пальцы дрожали — крошечная дрожь, которую она сразу подавила. Не накручивай, сказала она себе. Мужчина имеет право поужинать. Возможно, это был клиент. Двое мужчин тоже могут заказать вино и медальоны.

Она положила чек обратно в карман. Аккуратно, чтобы Вадим не заметил, что его доставали. Потом сложила пиджак в корзину для химчистки.

Зашла в ванную. Посмотрела на себя в зеркало.

Тугие волосы, собранные в пучок на затылке — Вадим говорил, что распущенные выглядят неопрятно. Серая водолазка. Домашние брюки. Никакого макияжа. За шесть лет брака она почти забыла, как красится. Вадим не любил, когда «слишком ярко».

Ася взяла телефон. Открыла приложение с соцсетями.

Первое в ленте — фото Карины. Её лучшая подруга. Карина сидит в ресторане, у неё в руке бокал с красным вином, на губах широкая улыбка. Подпись: «Пятница — время для себя». На заднем плане — свечи, белые скатерти, размытые силуэты других гостей.

Ася лайкнула автоматически. Не задумываясь. Потом открыла фотографию и принялась разглядывать детали.

Салфетки. Такие же, как на сайте ресторана «Луи». Скатерти. Даже подсвечники — она проверила, открыв страницу ресторана в отдельной вкладке.

Совпадение.

Конечно, совпадение. В Москве сотни ресторанов с белыми скатертями и свечами.

Ася закрыла приложение. Открыла чат с Кирой.

«Кир, встретимся на неделе? Соскучилась».

Кира ответила через минуту. Всегда отвечала быстро, даже на тренировке.

«Конечно. Ты как?»

Ася напечатала «норм». Стерла. Напечатала «всё хорошо». Стерла. Написала: «увидимся». Отправила.

Она не умела врать Кире. Поэтому просто не стала говорить правду, которую сама ещё не понимала.

Днём Ася вышла в аптеку. Витамины закончились — и это была одна из немногих трат на себя, которые Вадим одобрял. «Здоровая жена — здоровый муж», — шутил он. В его устах шутка звучала как инструкция.

Она шла по улице, глядя под ноги. Пасмурная осень, лужи, серое небо. И вдруг — красное пятно в витрине.

Посередине маленького бутика на манекене висело платье. Алого цвета, с открытыми плечами и длиной чуть выше колена. Простое, но какое-то... правильное. Ася остановилась.

Из магазина вышла продавщица — женщина лет пятидесяти с добрым лицом.

— Примерите? Фасон такой, что фигуру лепит, а недостатки прячет. Правда, последний экземпляр. Ваше счастье.

Ася посмотрела на платье. Потом на своё отражение в стекле — серый пуховик, собранные волосы, уставшее лицо.

— Нет, спасибо, — сказала она. — Муж не любит яркое.

Продавщица понимающе кивнула, но в глазах мелькнуло что-то похожее на жалость.

Ася быстро пошла дальше. Зашла в аптеку, купила витамины. Выйдя, снова прошла мимо бутика. Платье всё ещё висело — яркое, вызывающее, невозможное.

Она достала телефон. Открыла браузер. Набрала в поиске: «ресторан Луи Москва».

Сайт загрузился. Ася пролистала фотографии.

Белые скатерти. Свечи в подсвечниках. Изысканные блюда на глянцевых тарелках. В разделе «Романтический ужин» — столик на двоих при свечах, красное вино, ваза с одной розой.

Точно такие же свечи. Такие же скатерти. Как на фото у Карины.

Как на чеке из кармана Вадима.

Ася стояла посреди улицы с телефоном в руке. Мимо проходили люди, кто-то задел плечом, извинился. Она не слышала. Смотрела на экран и чувствовала, как внутри — глубоко, там, где она прятала все сомнения последних месяцев — что-то щёлкает. Как замок, который вот-вот откроется. Она закрыла браузер. Убрала телефон.

Совпадение, сказала она себе. Всё это просто совпадения. Ты не будешь той женой, которая ищет измену в каждом чеке. Ты веришь своему мужу.

Она пошла дальше.

Но в груди осталось то щёлкающее чувство — и с каждым шагом оно становилось только громче.

Квартира встретила её тишиной. Ася разулась, поставила витамины в кухонный шкаф. Посмотрела на часы. Пять вечера. Вадим вернётся не раньше одиннадцати, если повезёт. Если нет — позже.

Она приготовила ужин для себя. Овощи на пару и кусочек рыбы. Села за стол, включила сериал. Ела медленно, не чувствуя вкуса.

Потом вымыла посуду, переделась в пижаму — бежевую, хлопковую, максимально закрытую. Села на диван с книгой. Открыла на той же странице, что и вчера, но не читала.

Смотрела в окно на огни встречной застройки и думала о том, когда в последний раз чувствовала себя счастливой.

Ответ пришёл быстро — и он её испугал.

Она не помнила.

Ася закрыла книгу, выключила свет в гостиной и легла в кровать. Положила руку на холодную половину Вадима и закрыла глаза.

Тишина. Чужие духи на его подушке — сладкие, цветочные. Не её. Она давно не покупала духов. Вадим говорил, что они ему не нравятся.

Она не стала вдумываться в запах. Просто перевернулась на другой бок и заставила себя уснуть.

Завтра будет новый день.

Она скажет себе, что всё в порядке. Что она просто устала. Что мужчина имеет право ужинать в ресторанах и даже не допивать кофе по утрам.

Но она уже не верила.

И самое страшное — она не знала, когда перестала.

Глава 2. Вторник

Кофейня «Черри» находилась в пяти минутах от метро «Маяковская». Ася пришла за пятнадцать минут до встречи — привычка, выработанная годами. Вадим не терпел опозданий. «Если ты уважаешь человека, ты приходишь вовремя», — говорил он. Со временем это правило превратилось в навязчивое состояние: Ася боялась опоздать даже в кофейню, где подруги всё равно ждали бы её.

Она заказала латте с ореховым сиропом — себе — и американо без сахара — для Карины. Кира пила зелёный чай, и Ася решила, что та сама выберет.

Села у окна. За стеклом текла серая московская жизнь: женщины с колясками, мужчины в пальто, дети, бегущие в школу. Ася смотрела на них и чувствовала себя отделённой. Как будто смотрела кино, в котором у неё нет роли.

Она крутила в руках салфетку. Скомкала, расправила, снова скомкала. В голове всё ещё крутился вчерашний чек. Она заставила себя не лезть в карман пиджака за новыми уликами, не проверять телефон Вадима, не открывать страницу ресторана в два часа ночи.

Заставила. Но это было похоже на попытку не дышать.

— Аська!

Карина влетела в кофейню как ураган. Короткая стрижка идеально уложена, стрелки на глазах выведены с хирургической точностью, красная помада — та самая, которую Ася никогда бы не решилась надеть. Облегающее платье цвета бордо, туфли на шпильке, сумка, стоящая как Асина месячная норма на продукты.

— Привет, зайка! — Карина чмокнула Асю в щёку, оставив след помады. — Ты чего бледная? Опять не спишь?

— Сплю, — Ася вытерла щёку салфеткой. — Нормально всё.

— Нормально, говоришь? — Карина села напротив, взяла свой американо, сделала глоток. — У тебя под глазами круги, как у панды. Скажи спасибо, что у меня консилер с собой.

— Я не хочу маскировать то, чего нет.

— Ой, да брось, — Карина отмахнулась. — Ты всегда была слишком серьёзной. Жизнь — это кайф. Особенно когда у тебя такой муж, как Вадим.

При упоминании имени Ася чуть не поперхнулась латте. Совпадение. Просто совпадение. Карина не знает про чек. Карина вообще ни при чём.

— Кстати, как он? — спросила Карина, и в её голосе появилось что-то новое. Какое-то особое, вибрирующее внимание. — Как дела в бизнесе? Давно его не видела.

— Нормально. Работает много.

— Работает, говоришь? — Карина улыbnулась широко, белозубо. — Наш трудоголик. Ты его береги. Таких мужиков сейчас днём с огнём.

Ася хотела ответить, но в этот момент в кофейню вошла Кира.

Она была полной противоположностью Карины — рыжие волосы собраны в небрежный хвост, веснушки рассыпаны по лицу, на плече — огромная сумка для спортзала. Кроссовки. Спортивные штаны и серая толстовка.

— Извините, что в таком виде, — Кира плюхнулась на стул рядом с Асей. — Только с тренировки. Клиентка пришла на час раньше, пришлось перестраиваться.

— Ты хоть иногда нормально одеваешься? — поморщилась Карина. — Мы в центре, а не в тренажёрном зале.

— А мне удобно, — Кира заказала зелёный чай и пирожное с корицей. — Я в спортзале работаю, а не на подиуме.

— Именно поэтому у тебя до сих пор нет мужа.

— Именно поэтому у меня нет мужа, который будет диктовать, что мне носить, — парировала Кира без злобы.

Ася почувствовала благодарность к подруге. Кира не была яркой, не приковывала взгляды в ресторане, но у неё была черта, которую Ася ценила больше всего на свете: Кира не врала. Себе. Никому.

— Ась, — Кира повернулась к ней, — ты говорила, соскучилась. Что случилось?

Ася посмотрела на Карину. Та смотрела на неё, прищурившись. Вопрос повис в воздухе — острый, как лезвие.

— Да ничего особенного, — начала Ася. — Просто... странности.

— Какие? — Кира подалась вперёд.

Ася замялась. Потом достала телефон, открыла заметки. Там был список, который она вела в уме, но никогда не записывала. До сегодняшнего утра.

— В пятницу Вадим сказал, что у него деловой ужин с инвесторами, — начала Ася. — А утром я нашла в его кармане чек из ресторана. Ужин на двоих. Семнадцать тысяч.

Кира хмыкнула. Карина застыла. Буквально на секунду — Ася заметила это краем глаза. Но лицо Карины тут же расслабилось, она откинулась на спинку стула и рассмеялась.

— Ой, Аська, ну ты даёшь! — Карина звонко засмеялась, привлекая внимание соседних столиков. — Ты серьёзно? Чек? Мужчина поужинал с клиентом, а ты уже истерику закатываешь?

— Я не закатываю истерику, — тихо сказала Ася.

— А что ты делаешь? Сидишь, смотришь на нас загнанным зверьком. Я тебя умоляю. Мой бывший тоже с чеками попадался, а оказалось — маме цветы покупал. Не накручивай.

Ася почувствовала, как напряжение в плечах немного отпускает. Карина всегда умела успокоить. Сказать то, что хочется услышать. «Не накручивай» — это было именно то, что Ася говорила себе всю ночь.

— Точно, — Ася выдохнула. — Я же говорю — параноик. Просто устала, наверное.

— Вот именно, — Карина взяла её за руку, сжала. — У тебя лучший муж в мире. Он тебя обеспечивает, квартиру купил, машину. Чего тебе ещё?

— Любви, — тихо сказала Кира.

Повисла тишина.

Карина медленно повернулась к Кире. В её взгляде мелькнуло что-то холодное — но только на мгновение. Потом она снова улыбнулась, но улыбка вышла натянутой.

— У неё есть любовь. Просто Вадим не привык это показывать. Он бизнесмен, а не поэт.

— Бизнесмены тоже умеют говорить «я тебя люблю», — Кира не отвела взгляда. — Или хотя бы ночевать дома.

— Кир, прекрати, — Ася почувствовала, что разговор уходит в опасное русло. — Всё хорошо. Правда.

— Ась, а он часто задерживается в последнее время? — спросила Кира, не обращая внимания на Асину попытку замаять тему. — Ну, задерживается. Приходит поздно. Работает допоздна.

Ася задумалась.

— Полгода где-то, — сказала она медленно. — Может, больше. Он говорит, что проект сложный.

— Проект, — повторила Кира. — Полгода.

Она перевела взгляд на Карину. И Ася заметила — Кира смотрела на подругу как-то странно. Изучающе.

Карина отвела глаза слишком быстро. Потом взяла телефон, посмотрела на экран.

— Ой, мне пора. Встреча через полчаса.

— Ты только пришла, — удивилась Ася.

— Дела, зайка. Работа. Не все же могут сидеть дома, — Карина чмокнула Асю в щёку и встала. — Кир, пока. Одевайся нормально, а то так век в девках проходишь.

— Удачи, — сухо сказала Кира.

Карина вылетела из кофейни, громко цокая каблуками. В дверях она чуть не столкнулась с официантом, но даже не извинилась — просто обошла, как мебель.

Ася смотрела ей вслед. Почему-то стало пусто. Как будто вместе с Кариной ушло и успокоение, которое она принесла.

— Ась, — Кира подвинулась ближе. — Будь внимательнее, ладно?

— Ты о чём?

— Просто иногда люди не те, кем кажутся.

Ася посмотрела на подругу. Та не улыбалась. Веснушки делали её лицо почти детским, но глаза были взрослыми. Слишком взрослыми.

— Ты про Вадима?

— Я про всех, — Кира отпила чай. — Просто... смотри по сторонам. Не будь наивной.

— Я не наивная.

— Ты шесть лет не работаешь. У тебя нет своей квартиры, нет своей машины, нет своих денег. Ты зависишь от человека, который, возможно, спит на стороне.

Ася вздрогнула.

— Ты сама не веришь в то, что говоришь, — тихо сказала она.

— Я верю в факты, — Кира поставила чашку. — Факт: у Вадима чек на романтический ужин. Факт: он задерживается полгода. Факт: он стал холодным. Ася, посмотри правде в глаза. Хотя бы сейчас.

— Не могу, — прошептала Ася. — Если я посмотрю, то увижу. А если увижу — надо будет что-то делать. А я не знаю, что делать. Я ничего не умею. У меня нет профессии. Нет денег. Нет даже своей банковской карты.

— Это поправимо.

— Это страшно.

Кира помолчала. Потом взяла Асю за руку — теплую, мозолистую от гантелей — и сжала.

— Я рядом, — сказала она просто. — Что бы ни случилось, я рядом. Запомни это.

Ася кивнула. Сглотнула комок.

— Давай сменим тему, — попросила она.

— Давай.

Они проговорили ещё час. О тренировках Киры, о её новых клиентах, о том, что она хочет открыть собственную студию, но боится кредитов. Ася слушала вполуха, кивала, задавала вопросы. Но мысли всё время возвращались к одному и тому же.

Прощаясь, Кира обняла её крепко.

— Ась, — сказала она уже у выхода. — А ты помнишь тот магазин на Тверской? Ну, где мы в прошлом году платье смотрели.

— Помню.

— Красное ещё. Тебе так шло.

— Вадим не любит яркое, — машинально ответила Ася.

— А ты? — спросила Кира. — Ты любишь?

Ася не ответила.

Она не поехала домой. Вместо этого Ася пошла пешком. Без цели, без маршрута — просто вперед, по Тверской, к Пушкинской площади.

Ноги привели её к тому самому бутику.

Красное платье всё ещё висело на манекене.

Ася остановилась. Та же продавщица вышла на порог — словно ждала её.

— Примерить? — спросила женщина. — Вчера ещё думали.

— Муж не любит яркое, — повторила Ася.

— А вы? — продавщица посмотрела ей прямо в глаза. — Вы любите яркое?

Кира задала тот же вопрос час назад.

Ася молчала. Смотрела на платье. Оно было красивым — смелым, вызывающим, живым. Такое платье носила бы женщина, которая не боится. Которая знает себе цену. Которая не просыпается за минуту до будильника, чтобы успеть приготовить идеальный кофе для мужа, который его не выпьет.

— Знаете что, — сказала Ася. — Давайте примерю.

Продавщица улыбнулась.

В примерочной Ася сняла свой серый пуховик, бежевый свитер, джинсы. Встала перед зеркалом в белье — бежевом, удобном, незаметном. И вдруг поняла, что ей стыдно. Не того, что она голая. А того, что она так долго прятала себя.

Платье скользнуло по телу, как вторая кожа. Ася повернулась к зеркалу. И не узнала себя.

Из отражения смотрела женщина с распущенными волосами, которые Ася выпустила из пучка на затылке. Платье облегло фигуру там, где нужно, и струилось там, где нужно. Открытые плечи делали её моложе. Алый цвет — увереннее.

— Ну как? — спросила продавщица из-за шторки.

Ася не ответила. Она смотрела и не могла отвести взгляд.

Вот она какая.

Под всеми этими бежевыми водолазками и серыми платьями — вот она. Женщина с большими серыми глазами и пухлыми губами. С мягкими изгибами, которые она стеснялась показывать. С родинкой на ладони — «брак», как называл её Вадим.

— Выходите, не стесняйтесь, — позвала продавщица.

Ася вышла.

Женщина ахнула. Сложила руки на груди.

— Богиня, — сказала она просто. — Вы настоящая богиня. И это платье создано для вас.

В этот момент в магазин влетела Карина.

Она замерла на пороге, увидев Асю.

Глаза Карины расширились. В них мелькнуло что-то — испуг? Ревность? Бешенство? Слишком много эмоций за одну секунду. Ася не успела разобрать.

Но тут же лицо Карины разгладилось, она растянула губы в привычной широкой улыбке.

— Аська! — воскликнула она. — Ты чего тут делаешь?

— Решила примерить, — Ася смутилась, повела плечом. — Но это же глупо, да? Куда мне в таком.

— Глупо? — Карина подошла ближе, оглядела Асю с ног до головы. — Ты выглядишь... потрясающе.

В её голосе не было тепла. Было что-то другое. Ася не могла определить.

— Правда? — спросила она неуверенно.

— Правда, — Карина улыбнулась. Но улыбка не дошла до глаз. — Только Вадиму такое не понравится. Ты же знаешь.

Имя мужа ударило, как пощёчина.

Ася посмотрела в зеркало. На себя — яркую, живую, настоящую. Потом на Карину — ту, которая всегда была «лучше»: ярче, смелее, свободнее.

— Да, — сказала Ася тихо. — Вадим не любит яркое.

Она зашла в примерочную. Сняла платье. Аккуратно повесила на вешалку.

Вышла в своём бежевом свитере и джинсах. Снова серая тень.

— Берёте? — спросила продавщица.

— Нет, спасибо, — Ася улыбнулась через силу. — Я пока... в бежевом.

Карина взяла её под руку.

— Поехали, я тебя подвезу, — сказала она. — У меня такси за углом.

Они вышли из бутика. Ася оглянулась на витрину — красное платье смотрело на неё, как напоминание о женщине, которой она могла бы быть.

В такси Карина всю дорогу болтала о пустяках — о погоде, о новостях, о том, какой классный пилатес она начала ходить. Ася кивала, но не слушала.

Она вышла у своего подъезда. Карина чмокнула её в щёку.

— Пока, зайка. Не кисни. Всё у тебя будет хорошо.

Ася зашла в лифт.

Только там, в зеркальной кабине, она достала телефон. Написала Карине: «Спасибо за компанию».

Карина ответила через несколько секунд. Смайлик. Сердечко.

Ася убрала телефон в карман.

Она не знала, что через несколько секунд после её сообщения Карина открыла чат с Вадимом. Что её длинные пальцы с идеальным маникюром напечатали короткую фразу.

«Она ничего не подозревает».

И что Вадим ответил одним словом: «Хорошо».

Ася подошла к двери квартиры. Достала ключи. Вставила в замок.

Дома было пусто. Холодно. Тихо.

Она прошла на кухню, поставила чайник. Открыла холодильник и достала продукты к ужину. Вадим сказал, что придёт поздно, но она всё равно приготовит. На всякий случай.

Пока она резала, солила и ставила противень в духовку, на себе она чувствовала взгляд красного платья. Того, что так и осталось висеть в магазине на Тверской. Которое она не купила. Которое она носила в другой жизни. Там, где она была собой.

Глава 3. Среда

Вадим вернулся за полночь.

Ася слышала, как щёлкнул замок входной двери, как он сбросил ботинки в прихожей — тяжело, небрежно, как всегда, когда уставал. Как прошёл в гостиную, задел плечом косяк — наверное, не включил свет.

Она сидела на диване с книгой. Той самой, которую открывала уже третий день на одной и той же странице. Она не читала. Она смотрела в одну точку на противоположной стене — туда, где висела их свадебная фотография в деревянной рамке. Ася в белом платье, Вадим в костюме. Он обнимает её за талию. Она смеётся.

Тогда она ещё умела смеяться.

— Ты не спишь? — Вадим появился в дверях гостиной. Галстук ослаблен, верхняя пуговица рубашки расстёгнута, волосы растрёпаны. В полутьме он выглядел почти уставшим. Почти живым.

— Ждала тебя, — сказала Ася.

— Я говорил, не жди.

— Знаю.

Он прошёл к креслу, сел. Провёл рукой по лицу. Запах — сладкий, цветочный, чужой. Те же духи, что и вчера. И позавчера. И неделю назад. Ася заставила себя не вдыхать глубже, не анализировать. Не сейчас.

— Как прошла встреча? — спросила она.

Голос ровный, спокойный. Голос идеальной жены, которая не задаёт лишних вопросов.

— Нормально, — Вадим не поднял головы. Листал что-то в телефоне, подсвечивая себе лицо. — Устал как собака. Эти партнёры выматывают.

— Может, поесть? Я оставила ужин в духовке.

— Не хочу. Кофе хочу.

— Я сварю.

Ася встала. Прошла на кухню, включила кофемашину. Пока лилась жидкость в чашку, стояла спиной к дверям и смотрела в окно. Там, за стеклом, горели окна соседнего дома. Чужие жизни, в которых, возможно, не пахло чужими духами.

Вадим зашёл на кухню, когда кофе был готов.

— Держи, — Ася протянула чашку.

Он взял. Сделал глоток. Поморщился.

— Горький.

— Ты всегда такой пьёшь.

— Я поменял вкусы.

Ася посмотрела на него. Вадим не отвёл взгляд — но и не удержал. Просто прошёл мимо, как будто её не было. Поставил чашку на стол, повернулся к выходу.

— Сегодня был тяжёлый день, — сказал он уже из коридора. — Я в душ.

— Вадим.

Он остановился. Не обернулся.

— Что?

Ася хотела спросить. Прямо сейчас. Спросить про запах духов, который не выветривается из его одежды уже несколько месяцев. Спросить про чек из ресторана. Спросить, любит ли он её ещё. Или любил ли вообще.

Она открыла рот.

И закрыла.

— Ничего, — сказала она. — Спокойной ночи.

Вадим ушёл в спальню. Через минуту Ася услышала шум воды в душе.

Она осталась на кухне одна. Смотрела на его чашку с остывающим кофе.

Ночь выдалась бессонной.

Ася лежала на краю кровати, стараясь не касаться Вадима. Он спал — или притворялся — на своей половине, отвернувшись к стене. Дыхание ровное, спокойное. Никаких признаков того, что он изменил жизнь человека, который лежит в тридцати сантиметрах.

Она смотрела в потолок и вспоминала.

Первый год брака. Они вернулись из загса, и он нёс её на руках через порог. «Ты моя, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Навсегда». Тогда это звучало как обещание. Как клятва. Как самое романтическое, что она слышала в жизни.

Ася была молодой. Глупой. Она не знала, что слово «моя» может означать не «я тебя люблю», а «я тебя имею».

Второй год. Он подарил ей серьги с бриллиантами. Маленькими, едва заметными, но настоящими. «Ты этого заслуживаешь», — сказал он. Она расплакалась от счастья. Ей казалось, что она самая любимая женщина на свете.

Третий год. Вадим предложил ей бросить курсы английского. «Зачем тебе? Ты же не работаешь». Она бросила.

Четвёртый год. Он сказал, что её подруга Лена плохо на неё влияет. «Она слишком свободная. Научит тебя глупостям». Ася перестала общаться с Леной.

Пятый год. Вадим купил квартиру больше — с отдельной гардеробной, с видом на город. «Тебе повезло, что ты вышла за меня», — сказал он. Она согласилась.

Шестой год. Она перестала задавать вопросы.

Ася повернула голову. Посмотрела на телефон Вадима. Он лежал на тумбочке — чёрный, безликий, молчаливый. Но Ася знала, что он умеет говорить. Что где-то внутри него хранятся сообщения. Фотографии. Звонки. Вся правда, от которой она так долго отворачивалась.

Она протянула руку. Пальцы коснулись холодного стекла.

Вадим вздохнул во сне. Ася замерла. Сердце колотилось где-то в горле, пульс отдавался в висках.

Она взяла телефон. Экран засветился. Запрос пароля.

Ася попробовала дату рождения Вадима. Три цифры — не подошло. Попробовала свою дату рождения. Тоже не подошло. Попробовала дату их свадьбы.

Неверно.

Конечно. Он сменил пароль. Когда? Она не знала. Потому что раньше никогда не проверяла. Потому что доверяла. Потому что была душой.

Ася положила телефон на место. Отвернулась к стене. Сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

Она не заплакала. Она научилась плакать по ночам. Слезы кончились где-то между четвёртым и пятым годом.

— Я не буду такой, — прошептала она в подушку. — Я не буду проверять телефоны. Я не буду той женой.

Но внутри — в том месте, где живёт интуиция — бил тревожный колокол. Громко. Настойчиво. Неумолимо.

Она его заглушила. Как всегда.

Утро началось как обычно. Ася проснулась за минуту до будильника. Вадим уже не спал — он сидел на кровати, листал ленту новостей.

— Доброе утро, — сказала она.

— Ммм, — ответил он.

Ася встала, накинула халат. Пошла на кухню. Сварила кофе. Поставила чашку на стол. Услышала шаги — Вадим вышел из спальни уже одетый. Идеально выбритый. Свежий. Как будто не изменял жене.

— Как спалось? — спросила Ася.

— Нормально, — он взял чашку, сделал глоток. — Сегодня буду поздно.

— Опять встреча?

— Опять работа, — поправил он. — Не все могут позволить себе сидеть дома.

Ася промолчала.

— У тебя деньги есть? — спросил он, не глядя.

— Да. Ты вчера перевёл.

— Хорошо. Не транжирь.

Он поставил чашку — снова не допил — и вышел из кухни. Хлопнула входная дверь.

Ася осталась одна. Смотрела на остывающий кофе. На белую стену. На свою жизнь, которая текла мимо, как вода сквозь пальцы.

К обеду Ася решила, что должна отвлечься. Нельзя всё время сидеть в этой квартире, вдыхать запах чужих духов и считать часы до его возвращения. Она позвонила Кире, но та была на тренировке. Написала Карине.

«Сегодня свободна? Может, пообедаем?»

Ответ пришёл не сразу. Карина прочитала сообщение через десять минут, но ответила только через полчаса.

«Сегодня не могу, зайка. Дела. Давай завтра?»

«Давай», — ответила Ася.

Она понимала, что Карина врёт. Чувствовала это каким-то шестым чувством. Но не знала, почему. Карина всегда была занята. У неё карьера, встречи, проекты. У неё жизнь.

У Аси — Вадим. И квартира. И бежевые водолазки.

Она оделась и вышла на улицу. Дошла до парка, села на скамейку. Достала телефон. Открыла фотографию Карины из ресторана — ту самую, с пятницы. Смотрела на неё, приближала, отдаляла.

Свечи. Белые скатерти. Бокал с красным вином.

И вдруг заметила.

На заднем плане, размытый, почти невидимый — мужской силуэт. Светлые волосы. Тёмный пиджак.

Ася вглядывалась, пока не заболели глаза.

Это мог быть кто угодно. Любой мужчина со светлыми волосами в тёмном пиджаке. В Москве тысячи таких.

Ася закрыла фото. Убрала телефон.

«Ты сходишь с ума, — сказала она себе. — Ты видишь то, чего нет. Потому что хочешь оправдать свою паранойю».

Но она не хотела оправдывать паранойю. Она хотела правды.

Просто была не готова её узнать.

Вечером Ася снова готовила ужин. Не потому что была голодна. Потому что не знала, чем ещё себя занять. Руки привыкли резать, мешать, солить. Тело знало этот ритуал лучше, чем мозг.

Она поставила ужин в духовку — на случай, если Вадим вернётся раньше. Села на диван. Включила телевизор, выключила звук. Смотрела на мелькающие картинки и думала.

Думала о том, когда в последний раз чувствовала себя живой.

Не «идеальной женой». Не «удобной женщиной». Не «тенью мужа».

А собой.

Ответа не было.

В одиннадцать вечера её телефон завибрировал. Сообщение от Кире.

«Ась, ты как? Не хочешь поговорить? Я освободилась».

Ася долго смотрела на экран. Пальцы застыли над клавиатурой. Она хотела написать «всё нормально». Но не могла. Потому что это была ложь. А Кире она врать не умела.

«Странно всё, — написала она наконец. — Не могу объяснить. Просто чувствую, что что-то не так».

«Я знаю, — ответила Кира. — Я давно это вижу. Просто ждала, пока ты сама поймёшь».

«А если я не хочу понимать?»

«Тогда будешь жить в этой лжи до конца дней. Вопрос только в том, сколько ты ещё выдержишь».

Ася не ответила. Убрала телефон. Легла на диван, свернувшись калачиком.

За окном шёл дождь. Капли стучали по стёклам, как сотни маленьких молоточков.

Она закрыла глаза.

И поняла, что не выдержит больше ни дня.

Вадим вернулся в час ночи.

Ася уже лежала в спальне, отвернувшись к стене. Услышала, как он зашёл, как прошёл в ванную, как включил воду. Потом тишина.

Он лёг на свою половину кровати. Не коснулся её. Не сказал ни слова.

Ася лежала с открытыми глазами в полной темноте.

И впервые за шесть лет брака она не поправила ему одеяло.

Глава 4. Четверг

Она проснулась от звука голоса.

В коридоре горел тусклый свет — тот, что от прихожей, который Вадим всегда забывал выключать. Ася не слышала, как он встал. Не слышала шагов. Но голос — приглушённый, но в ночной тишине жутко отчётливый — звучал так близко, будто он стоял прямо за дверью спальни.

Ася замерла. Сердце пропустило удар, потом заколотилось где-то в горле.

— Я не могу сейчас, — говорил Вадим. Тише, чем обычно. Мягче. С той интонацией, которую Ася не слышала от него уже давно. — Подожди.

Пауза.

— Завтра увидимся.

Пауза длиннее.

— Да, я тоже по тебе скучаю.

Ася перестала дышать.

— Да, — голос Вадима стал ещё тише, почти шёпотом. — Люблю.

Слово «люблю» ударило под дых. Физически. Ася почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота, как ладони становятся ледяными, как всё тело покрывается мурашками. Она лежала неподвижно, глядя в потолок широко открытыми глазами. Боялась шевельнуться. Боялась, что он услышит её дыхание.

Вадим что-то сказал ещё — не разобрать. Короткое прощание. Тихий смешок — интимный, предназначенный только для того, кто на другом конце провода.

Щёлкнул замок входной двери.

Ася выдохнула. Оказывается, она всё это время не дышала.

Он вышел. В два часа ночи. В чём? В пижаме? В джинсах? Она не знала — лежала лицом к стене и боялась повернуть голову. Услышала, как лифт уехал вниз. Тишина стала абсолютной.

Ася сидела на кровати, поджав колени к груди. Обхватила их руками и смотрела в одну точку на противоположной стене. Там, в полумраке, висела их свадебная фотография.

«Люблю».

Он сказал это не ей. Не ей.

В груди разрасталась пустота. Такая огромная, что, казалось, может поглотить всю квартиру, весь дом, весь город. Ася сидела и слушала, как тишина наполняется звуками — тиканьем часов на кухне, гулом холодильника, отдалённым шумом машин за окном.

И своими мыслями, которые были громче всего.

«Сколько?»

Это был первый вопрос, который пришёл в голову. Не «кто», не «почему», не «как ты мог». А «сколько». Потому что это было единственное, что имело значение. Долго ли она была душой? Долго ли он врал, глядя в глаза? Долго ли она просыпалась по ночам, чтобы поправить его одеяло, пока он шептал «люблю» в телефон другой женщине?

Вадим вернулся через час.

Ася слышала, как открылась дверь, как он прошёл в ванную, как включил воду. Потом выключил. Потом лёг на свою половину кровати. Запах — тот же сладкий, цветочный. Теперь уже не просто подозрение. Улика.

Он заснул через минуту. Или сделал вид.

Ася не спала до утра. Смотрела в потолок и считала трещины. Их было семнадцать. Она никогда не замечала их раньше.

Утром всё было как обычно.

Вадим вышел из спальни в костюме. Галстук — идеальный узел, который она завязала вчера вечером. Волосы уложены. Пахнет дорогим парфюмом — тем самым, которым он пользовался всегда. Не тем, сладким и цветочным. Тем, который для дома.

— Кофе? — спросила Ася.

Голос не дрогнул. Она не знала, откуда взялась эта сила. Возможно, от бессонницы. Возможно, от отчаяния. Возможно, от того, что внутри, в том месте, где раньше жила любовь, теперь была только пустота. А в пустоте нечему бояться.

— Да, — Вадим сел за стол, взял телефон. — Быстро, я опаздываю.

Ася сварила кофе. Поставила перед ним.

Он сделал глоток. Второй. Встал.

— Я побежал.

— Вадим.

Он обернулся. Взгляд — нетерпеливый, раздражённый. Как будто она уже начала задавать вопросы, которых он не хотел слышать.

— Что?

Ася посмотрела ему в глаза. Голубые. Холодные. Она искала в них что-то — любовь, ненависть, вину, что угодно. Но там была только усталость. Усталость от того, что ему приходится врать. Или от того, что он вынужден смотреть на неё каждое утро.

— Ничего, — сказала она. — Удачного дня.

Он кивнул и вышел.

Ася постояла несколько секунд. Потом медленно, очень медленно прошла на кухню. Села на пол. Прислонилась спиной к холодильнику. Обхватила колени руками. И заплакала.

Не те слёзы, которые она сдерживала годами, выдавливая их по ночам в подушку. Другие. Горькие. Настоящие. С рыданиями, которые вырывались из груди вместе с криком, который она не издавала. Она плакала так, как плачут дети, у которых отобрали самое дорогое. Хотя, может быть, у неё никогда ничего и не было.

Ася сидела на холодном полу и плакала. Десять минут. Двадцать. Полчаса.

Потом слёзы кончились.

Она поднялась. Подошла к раковине, умылась ледяной водой. Посмотрела на себя в зеркало — красные глаза, опухшие веки, размазанная тушь. Она почти не красилась, но даже тот минимум, который наносила каждое утро, превратился в грязные разводы.

Ася достала телефон. Нашла контакт Киры. Нажала вызов.

— Алло? — голос Киры был сонным. — Ась? Ты чего в такую рань?

— Я слышала, — сказала Ася. Голос ровный, почти спокойный. — Как он говорил «люблю». Кому-то. По телефону. Ночью.

Тишина на том конце. Потом Кира сказала:

— Я через час буду.

— Не надо, — Ася покачала головой, хотя Кира не могла её видеть. — Я сама приеду. Ты где? Дома?

— Да. Но Ась...

— Всё нормально, — Ася выдохнула. — Я уже не плачу. Правда.

Она нажала отбой.

Прошла в спальню. Открыла шкаф. Среди бежевых и серых вещей висело пустое место — то самое, где она повесила бы красное платье, если бы решилась. Ася смотрела на пустую вешалку, и ей вдруг стало смешно. Горько-смешно. Она боялась купить платье, которое хотела. А он в это время тратил семнадцать тысяч на романтический ужин с другой.

Она надела джинсы, свитер — серый, конечно. Собрала волосы в пучок, взяла сумку и вышла из квартиры.

Кира жила в пяти остановках на метро. Ася приехала через сорок минут — застряла на пересадке, ехала в час пик, стояла в тамбуре, прижатая к двери чужими телами. Обычно она ненавидела метро, но сегодня всё было безразлично.

Кира открыла дверь в спортивном костюме, с мокрыми после душа волосами. Без косметики, с веснушками, которые делали её похожей на подростка. Увидела Асю и сразу — молча — обняла. Крепко. Так, что трудно было дышать.

— Заходи, — сказала Кира, отпуская. — Я чайник поставила.

Квартира Кире была маленькой — однушка в старом доме, с ободранными обоями и скрипучим полом. Но здесь было тепло. Уютно. Живо. На подоконнике стояли цветы — настоящие, не пластиковые. На холодильнике висели магниты из разных городов. На стене — фотографии, среди которых Ася узнала и себя. Счастливую. Настоящую. Такую, какой не была уже несколько лет.

— Рассказывай, — Кира села напротив, положив руки на колени. — Всё. С самого начала.

Ася рассказала.

Про чек. Про духи. Про то, как пыталась залезть в телефон. Про вчерашнюю ночь. Про слово «люблю», которое до сих пор стояло в ушах. Рассказывала ровно, без слёз, как будто речь шла о ком-то другом. Как будто она читала вслух чужую печальную историю.

Кира слушала молча. Не перебивала. Не задавала вопросов. Только сжимала кружку с чаем так, что костяшки побелели.

Когда Ася закончила, Кира не заговорила сразу. Помолчала. Отпила чай. Поставила кружку на стол.

— Я не хотела говорить раньше, — начала она медленно, подбирая слова. — Думала, показалось. Не хотела тебя ранить без причины.

— Кир, говори прямо.

Кира подняла глаза. Зелёные, живые, внимательные.

— Карина слишком много знает о Вадиме, — сказала она. — Слишком часто спрашивает про него. Когда он приходит, где бывает, чем занят. Я думала — совпадение. Девчонки же обсуждают мужей, это нормально. Но она... она спрашивала так, будто собирала информацию. Будто готовилась.

Ася замерла.

— Что ты говоришь?

— Я не уверена, — быстро добавила Кира. — Но... Ась, она была у тебя дома, когда Вадима не было. Она знает, где лежат ключи, какой у него парфюм, какие рестораны он любит. Она даже то вино заказывала, которое он пьёт. Помнишь, на дне рождения у тебя?

Ася помнила.

В прошлом году, на её дне рождения, Карина заказала бутылку вина, которую пил только Вадим. «Это же твой любимый сорт», — сказала она ему, протягивая бокал. Тогда Ася умилилась — какая внимательная подруга.

Теперь эта «внимательность» обретала другой смысл.

— Ты думаешь, это Карина? — прошептала Ася.

— Я не знаю, — Кира покачала головой. — Но ты можешь узнать.

— Как?

Кира встала, прошла к тумбочке, взяла свой телефон. Покопавшись в контактах, протянула его Асе.

— У Карины есть знакомый детектив, — сказала она. — Она хвасталась как-то, что он помог ей проверить одного ухажёра. Дмитрий Сергеевич, бывший следователь. Дорого, но быстро.

Ася смотрела на экран. Имя, фамилия, номер телефона.

— Ты предлагаешь мне нанять детектива, чтобы следить за мужем?

— Я предлагаю тебе перестать жить во лжи, — Кира села рядом, взяла её за руку. — Ась, сколько можно? Ты сидишь в этой квартире, как в тюрьме. Он тебя не видит. Он тебя не слышит. Он не спрашивает, как прошёл твой день, потому что ему всё равно. У тебя нет друзей, кроме нас с Кариной — и то, теперь я не уверена насчёт Карины. У тебя нет работы, нет денег, нет будущего. А ему плевать. Ему удобно, что ты есть. Ты — функция. Ты — жена, которая готовит ужин и не задаёт вопросов.

Каждое слово попадало в цель. Ася чувствовала, как они входят в неё — острые, болезненные, но почему-то облегчающие. Как хирургические ножи, которые вырезают гниль.

— А если я узнаю правду, — сказала Ася тихо, — и она окажется той, которую я не смогу вынести?

— Тогда ты наконец перестанешь притворяться, — Кира сжала её руку. — И начнёшь жить.

Ася взяла телефон Киры и переписала номер детектива.

Дома, в пустой квартире, она долго сидела на кухне, глядя на экран. Палец завис над кнопкой «написать».

«Здравствуйте, мне нужна помощь».

Она напечатала. Стерла. Напечатала снова. Стерла.

Вспомнила голос Вадима: «Люблю».

Напечатала в третий раз. Нажала «отправить».

Ответ пришёл через минуту.

«Завтра в 10 утра. Адрес скину».

Ася положила телефон на стол. Встала. Прошла в спальню. Открыла шкаф и долго смотрела на пустую вешалку — ту, что ждала красное платье.

Потом закрыла шкаф. Вернулась на кухню. Налила себе чай. Села на то место, где всегда сидел Вадим. Посмотрела на свою кружку — белую, с трещинкой.

«Это был последний раз, когда я плакала как жертва», — подумала она.

И поверила в это.

Она не знала, что завтрашний день принесёт фотографии, которые разрушат всё, что осталось от её иллюзий. Она не знала, что увидит Карину и Вадима вместе — в том самом ресторане, в машине, у подъезда. Она не знала, что её мир рухнет окончательно и бесповоротно.

Но сегодня, в этот час, она сделала первый шаг к тому, чтобы построить новую жизнь.

Ася допила чай, вымыла кружку и пошла спать.

Спала она крепко. Впервые за много ночей.

Без снов. Без кошмаров. Без попыток поправить одеяло на чужой половине кровати.

Она спала одна — даже когда Вадим вернулся в три часа ночи и лёг рядом, даже когда его дыхание стало ровным, а рука потянулась к её спине — как всегда, во сне, машинально.

Ася не проснулась.

Визуал к главе 5

Глава 5. Пятница

Кофейня на Патриарших называлась «Птица». Ася не выбирала её — адрес пришёл в смс от Дмитрия Сергеевича следом за фразой «Завтра в 10 утра». Коротко, без лишних слов. Профессионально.

Она приехала за пятнадцать минут до встречи, хотя от дома до Патриарших было сорок минут на метро с пересадкой. Просто не могла больше сидеть в пустой квартире, где всё ещё пахло чужими духами. Надежда умирала последней, но внутри, в том месте, где проснулась интуиция, уже всё было понятно без слов.

Дмитрий Сергеевич ждал её у входа. Неприметный мужчина в сером пальто, с лицом, которое забываешь через минуту. Он пропустил Асю вперёд, выбрал столик в углу — подальше от окон и чужих ушей.

— Присаживайтесь, — сказал он тихо. — Рассказывайте.

Ася села напротив. Положила сумку на колени, сжала ремешок побелевшими пальцами. Она репетировала этот разговор всю ночь, но теперь, когда он сидел перед ней, слова рассыпались.

— Мой муж... — начала она и запнулась.

— Я понял, — Дмитрий Сергеевич кивнул. Он не торопил. Ждал.

— Мой муж мне изменяет, — выдохнула Ася. — Я почти уверена. Нужны доказательства. Фото, видео, всё, что сможете собрать. Я хочу знать правду. Какой бы горькой она ни была.

Детектив молчал несколько секунд, изучая её лицо. Потом спросил:

— Кто цель?

— Вадим Князев. Мой муж. Он бизнесмен, владелец сети отелей. Работает много, часто задерживается. В последние полгода стал холодным, отстранённым.

— Подозреваемая есть?

Ася помедлила. Назвать имя Карины вслух значило сделать подозрение реальностью. Она ещё не была готова.

— Пока нет, — сказала она. — Но я думаю, это кто-то из близкого окружения. Слишком много совпадений.

Дмитрий Сергеевич кивнул, достал из портфеля блокнот и ручку. Записал что-то коротко.

— Всё понял, — сказал он. — Стандартная процедура: я начну наблюдение сегодня. Слежка, фотофиксация, проверка перемещений. Обычно занимает пару дней, чтобы собрать достаточно информации. Иногда дольше, если объект осторожен.

— А если он не осторожен? — спросила Ася.

— Тогда быстрее, — Дмитрий Сергеевич убрал блокнот в портфель. — Я свяжусь с вами, как только будет что-то существенное. Можете не сидеть у телефона — я позвоню сам. Договорились?

— Договорились.

Он встал, подал руку. Ася пожала — ладонь сухая, твёрдая, надёжная.

— Держитесь, Анастасия, — сказал детектив. — Что бы ни выяснилось, вы справитесь. Такие, как вы, всегда справляются.

Он вышел из кофейни и растворился в утренней толпе — серое пальто, серая шляпа, серая незаметность.

Ася осталась одна с нетронутым чаем и пустотой в груди.

На улице шёл снег. Первый снег в этом году — крупные хлопья кружились в воздухе и таяли на асфальте, не успев коснуться земли. Ася подняла лицо к небу, подставилась под влажные снежинки. Холод отрезвлял.

Она пошла пешком. Без цели. Просто вперёд — по Патриаршим, потом на Малую Бронную, потом на Тверскую. Смотрела по сторонам — на людей, на витрины, на снег. Чувствовала себя странно. Как будто стояла на краю пропасти и знала, что вот-вот упадёт, но пока можно было стоять и дышать.

Внутри жили две Аси. Одна всё ещё надеялась. Шептала: «Он любит тебя. Он просто устал. Всё наладится». Другая — та, что проснулась вчера ночью, когда Вадим шептал в телефон чужое «люблю», — молчала. Она знала правду. Просто ждала своего часа.

Ася свернула на Тверскую и замерла.

Тот самый бутик. То самое платье.

Оно висело на манекене посередине витрины — алое, смелое, невозможное. Ася остановилась, глядя на него. Красный цвет обжигал глаза на фоне серого ноябрьского неба.

Продавщица — та же женщина с добрым лицом — выглянула из-за двери, узнала её.

— Здравствуйте, — сказала она. — Опять на платье смотрите?

— Смотрю, — ответила Ася. — Оно всё ещё здесь.

— Ждало вас.

Ася смотрела на платье, на своё отражение в стекле — серый пуховик, собранные в пучок волосы, уставшее лицо — и чувствовала, как внутри что-то щёлкает. Не тот тревожный щелчок, который она слышала в понедельник. Другой. Более уверенный.

— Я беру его, — сказала Ася.

Продавщица улыбнулась так широко, будто продала не платье, а исполнила мечту.

В примерочной Ася снова надела его. Снова распустила волосы. Посмотрела на себя в зеркало — и в который раз не узнала. Но теперь это не пугало. Теперь это радовало.

Она вышла из примерочной, держа пакет с красным платьем в руках, и улыбнулась своему отражению в витрине. Улыбнулась по-настоящему — впервые за долгое время.

— Спасибо, — сказала она продавщице. — Вы не представляете, как много это для меня значит.

— Представляю, — тихо ответила женщина. — Удачи вам.

Ася вышла на улицу с пакетом в руке и чувствовала себя... свободной. Да, она всё ещё надеялась. Глупая, наивная надежда теплилась где-то глубоко, шептала: «Может, он изменится. Может, я ошибаюсь. Может, это просто кризис, и мы пройдем его вместе».

Но внутри, где-то рядом с этой надеждой, росло что-то новое. Твёрдое, как сталь. Голос, который говорил: «Что бы ни случилось дальше, ты справишься. Ты не сломаешься. Ты — не только чья-то жена. Ты — это ты».

Ася шла по Тверской, сжимая пакет с красным платьем, и впервые за шесть лет чувствовала, что у неё начинается новая жизнь.

Около 16 часов её телефон завибрировал.

Дмитрий Сергеевич: «Есть информация. Надо встретиться. То же место, через 40 минут».

Ася смотрела на экран. Сердце колотилось где-то в горле. Надежда и страх боролись внутри неё, но ноги уже несли её к метро. Она знала, что узнает правду. И была готова.

В «Птице» Дмитрий Сергеевич сидел на том же месте, но сейчас его лицо было другим. Более серьёзным. Более... сочувственным.

— Спасибо, что пришли, — сказал он.

— Показывайте.

Он достал из портфеля конверт. Бежевый, плотный. Положил на стол.

— Я снимал это сегодня. В тринадцать часов.

Ася открыла конверт дрожащими пальцами.

Первое фото. Вадим и Карина идут под руку по улице. Он в тёмно-синем пальто, она — в короткой шубке. Их пальцы переплетены. Карина запрокинула голову — смеётся чему-то, что он сказал.

Второе фото. Они в ресторане. Не в том дорогом «Луи», а в уютном итальянском местечке, которое Ася никогда не видела. На столе — паста, вино, свечи. Вадим наливает Карине в бокал.

Третье фото. Крупный план. Карина облизывает ложку с десертом — кокетливо, игриво. Вадим смотрит на неё так, как не смотрел на Асю ни разу за шесть лет. В его взгляде — голод. Не физический. Другой. Голод по жизни, по свободе, по женщине, которая не носит бежевые водолазки.

Четвёртое фото. Они выходят из ресторана. Он держит её за талию.

Пятое. Садятся в его машину.

Шестое. Они целуются. В машине. Вадим притянул Карину за шею, она запустила пальцы в его волосы. Ася видела это фото и не могла отвести взгляд. Её муж. Её бывшая лучшая подруга. Их языки сплетены, глаза закрыты, лица — расслабленные, счастливые. Они не знали, что за ними наблюдают. Или знали, но им было всё равно.

Ася перебрала фотографии, положила на стол. Руки не дрожали. Это удивило её саму.

— Всё сегодня? — спросила она.

— Сегодня. Тринадцать ноль-ноль, — Дмитрий Сергеевич говорил тихо, будто боялся ранить её громкостью. — Они обедали, потом целовались в машине около пятнадцати минут. Я не стал снимать дальше — посчитал, что достаточно.

— Достаточно, — эхом отозвалась Ася. — Вы сделали всё, что мне нужно было.

Детектив помолчал. Потом спросил:

— Нужна слежка дальше?

Ася покачала головой. Посмотрела на фотографии — на счастливое лицо Карины, на жадный взгляд Вадима.

— Нет, — сказала она. — Мне не нужны доказательства для суда. Мне нужна была правда для себя. Вы её дали. Спасибо.

Она достала из сумки деньги — те самые пятьдесят тысяч, которые сняла вчера с карточки, рискуя, что Вадим заметит. Отсчитала, положила на стол.

— Здесь всё.

Дмитрий Сергеевич забрал деньги, кивнул.

— Анастасия, — сказал он, уже вставая. — Вы сильная женщина. Не каждый мужчина выдерживает такое и остаётся в здравом уме. А вы — справитесь.

— Я знаю, — ответила Ася.

И в этот момент дверь кофейни распахнулась. Влетела Кира — раскрасневшаяся, в спортивном костюме, с огромной сумкой через плечо. Увидела Асю, конверт на столе, лицо детектива.

— Я успела? — спросила она, тяжело дыша.

— Ты успела, — Ася подвинулась, освобождая место.

Дмитрий Сергеевич попрощался, вышел. Кира села напротив, схватила конверт, заглянула внутрь. Фотографии посыпались на стол. Она смотрела на них, и её лицо менялось — от тревоги к ужасу, от ужаса к ярости.

— Сука, — прошептала Кира. — Карина. Я знала. Я же тебе говорила, Ась. Я чувствовала. Эта её улыбочка, эти расспросы...

Она сжала фотографию с поцелуем так, что она смялась.

— Кир, — Ася взяла её за руку. — Тише.

— Тише?! — Кира повысила голос. Несколько человек за соседними столиками обернулись. — Он твой муж! Она твоя подруга! Они целуются у тебя за спиной полгода! А ты говоришь «тише»?

— Я говорю «тише», потому что мне нужно подумать, — Ася говорила спокойно, но в голосе была сталь. — Истерика ничего не изменит.

Кира посмотрела на неё — и вдруг замолчала. Увидела в глазах подруги то, чего не видела раньше. Спокойствие. Холодное, рассчитанное спокойствие.

— Ты... ты в порядке? — спросила Кира осторожно.

— Нет, — честно ответила Ася. — Но буду. — Она сунула фотографии обратно в конверт, застегнула сумку. — Мне пора домой.

— Зачем? Ты же не вернёшься к нему?

— Вернусь, — Ася встала, надела пальто. — Мне нужно приготовить ужин.

Кира смотрела на неё с непониманием, потом в глазах мелькнула догадка.

— Прощальный ужин?

Ася не ответила. Только улыбнулась — той улыбкой, которая появляется у человека, принявшего окончательное решение.

Дома она сделала то, что делала каждый день. Разобрала сумку. Повесила красное платье на дверцу шкафа — так, чтобы видеть. Потом прошла на кухню и начала готовить.

Руки делали привычное, автоматическое: резали, солили, мешали. Но голова была занята другим. Она прокручивала в мыслях фотографии, лица Карины и Вадима, их счастливые, расслабленные лица. Они не знали, что сегодняшний день станет последним днём их лёгкой жизни.

Ася накрыла стол на двоих. Белая скатерть, свечи — те самые, которые она купила на первую годовщину и которые Вадим называл «мещанством». Сегодня они горели.

Она переделалась в бежевую блузку — как обычно. Не сейчас. Не для него. Красное платье она наденет потом. Для себя.

Села на диван в гостиной. Включила телевизор на беззвучный режим. Смотрела на мелькающие картинки, но не видела их. Ждала.

За окном темнело. Снег всё шёл — теперь уже не таял, ложился белым покрывалом на тротуары, машины, деревья.

В двадцать ноль-ноль Ася услышала шаги в подъезде. Потом — голоса. Его. И её.

Карина говорила что-то, смеялась. Вадим отвечал коротко, но в его голосе Ася услышала то, чего не было дома годами. Жизнь. Интерес. Нежность.

Шаги остановились у двери. Звякнули ключи. Щёлкнул замок. Дверь открылась.

На пороге стояли двое. Вадим — с видом человека, который пришёл на важный разговор. И Карина — в том самом бордовом платье, с той самой красной помадой. Она вжалась в косяк, будто пыталась стать невидимой.

Вадим перешагнул порог, снял пальто, повесил на крючок. Карина застыла на пороге, не решаясь войти. Он обернулся к ней, протянул руку:

— Заходи, — сказал он. — Мы же договорились. Всё надо сказать прямо.

Карина сделала шаг вперёд, но остановилась у входа в гостиную, опустив глаза. Вадим прошёл в центр комнаты, остановился напротив Аси.

— Здравствуйте, — сказала Ася спокойно. — Я вас ждалась.

Вадим усмехнулся, сел в кресло напротив неё, развалившись, будто это он был главным в этом разговоре.

— Ты уже знаешь? — спросил он, глядя на неё с лёгким вызовом.

— Я знаю, — ответила Ася.

Он кивнул, как будто это всё объясняло.

— Тогда не будем ходить вокруг да около, — сказал он спокойно, будто обсуждал погоду. — Ты была удобной женой, Ася. Я платил за квартиру, за твою жизнь — и имел право на то, чего мне не хватало. Карина давала мне это. Мы хотели тебе сказать.

Карина всхлипнула — тихо, почти беззвучно. Но Вадим не обернулся на неё. Он смотрел на Асю с лёгким вызовом, как будто проверял, сломается ли она.

Ася молчала. Внутри всё кипело, но она не позволила себе дрогнуть.

— Убирайтесь, — сказала она. — Оба.

Вадим поднялся, усмехнулся, пожал плечами. Подошёл к Карине, взял её за локоть — настойчиво, даже грубо — и вывел в коридор. Уже у двери обернулся и посмотрел на Асю с той же усмешкой, с которой смотрел на неё много лет.

— Я позвоню адвокату, — сказал он.

— Я тоже, — ответила Ася и закрыла дверь.

Она стояла в прихожей, прислонившись лбом к холодной двери. Слышала, как лифт уехал вниз. Как стихли голоса. Как наступила тишина.

Потом прошла в спальню. Сняла с дверцы шкафа красное платье. Расстегнула молнию на бежевой блузке, сняла её, положила на стул — туда, где лежала одежда Вадима.

Надела красное платье. Подошла к зеркалу.

Из отражения смотрела женщина, которую она не знала. Смелая. Красивая. Свободная.

— Здравствуй, — сказала Ася своему отражению. — Давно не виделись.

Она улыбнулась.

Впервые за шесть лет — настоящей улыбкой.

Глава 6. Первая ночь

Ася проспала до обеда.

Это было непривычно — проснуться не от будильника, не от запаха кофе, который она варила для мужа, а оттого, что организм просто выпался. Она лежала в кровати, смотрела в потолок и чувствовала странную лёгкость. Грудь всё ещё саднило от вчерашнего — фотографии, их лица, поцелуй в машине, — но где-то рядом, тесня боль, росло что-то новое. Живое.

Красное платье висело на дверце шкафа. Ася улыбнулась ему.

Зазвонил телефон. Кира.

— Я внизу, — сказала подруга без приветствия. — Открывай.

Кира влетела в квартиру с огромной сумкой, из которой торчал ноутбук и какие-то папки. Она выглядела так, будто не спала всю ночь — растрёпанная, с кругами под глазами, но глаза горели.

— Ты чего? — Ася накинула халат. — У тебя вид...

— У меня вид человека, который всю ночь просидел в интернете и на телефоне с адвокатом, — Кира скинула кроссовки, прошла на кухню, поставила чайник. — Садись. Будем разбираться с твоим имуществом.

— С моим имуществом? — Ася села за стол. — У меня нет имущества.

— Вот тут ты ошибаешься, — Кира повернула к ней экран ноутбука. — Я вчера созвонилась с адвокатом, пока ты готовила ужин. Хорошая женщина, специализируется на разводах. Я ей всё рассказала.

— Всё? — Ася почувствовала, как заливается краской.

— Всё, — Кира не видела в этом ничего постыдного. — Она сказала, что у тебя есть шанс выйти из этой истории не с пустыми руками. Я насчитала как минимум два объекта.

— Какие?

— Квартира — это совместно нажитое имущество. Даже если оформлена на него, ты имеешь право на половину. Это по закону. Но есть кое-что ещё.

Кира переключила вкладку. На экране была выписка из ЕГРН — скупая, казённая, с печатями.

— Что это? — спросила Ася.

— Объект недвижимости, который числится за Вадимом Князовым, — Кира ткнула пальцем в экран. — Старый отель в области. Достался ему по наследству от деда. Но! — она

подняла палец. — Поскольку он получил его в наследство во время брака, это тоже совместно нажитое имущество. Ты имеешь право на половину и этого отеля.

— Отель? — Ася взгляделась в текст. — Я ничего про него не знаю.

— Вадим, видимо, решил, что это забытое наследство не в счёт, — Кира откинулась на стул. — Судя по записям, он ездил туда один раз — год назад, и всё. Больше никаких движений. Ни продажи, ни аренды, ни ремонта. Зброшенный отель, который он не воспринял всерьёз. Спрятал в дальний ящик и забыл.

Ася смотрела на экран. Название городка, которое она слышала впервые, старые квадратные метры, кирпичное здание. Отель. Её отель? Их отель?

— Что ты предлагаешь? — спросила она.

Кира подалась вперёд, положила локти на стол.

— У меня есть план, — сказала она. — Квартира и отель делятся пополам. Но если ты отремонтируешь отель, он станет дороже. Намного дороже. Тогда можно договориться с Вадимом: он забирает квартиру, а ты забираешь отель и получаешь от него деньги на ремонт как компенсацию за твою долю в квартире.

— Он согласится? — Ася не верила.

— А у него будет выбор? — Кира усмехнулась. — Либо делить всё пополам, либо он получает квартиру, ты — отель и деньги на его восстановление. Если он захочет продавать отель, ему придётся договариваться с тобой. А он не любит связываться с тем, что не приносит быстрых денег. Отель для него — обуза. От неё избавиться — только счастье.

Ася молчала. В голове крутились цифры, планы, страхи.

— Я ничего не умею, — сказала она тихо. — Я даже цвет обоев без его одобрения выбрать не могла. А тут — целый отель.

— Научись, — Кира взяла её за руку. — Ты разбираешься в искусстве, в интерьерах, в стилях. Ты хотела быть искусствоведам, помнишь? Это твой шанс. Не просто выжить — а построить что-то своё.

— А если не получится?

— А если получится? — Кира посмотрела ей прямо в глаза. — Ась, ты шесть лет прожила в страхе. Боялась, что он уйдёт, боялась, что он разлюбил, боялась, что ты недостаточно хороша. А теперь, когда он уже ушёл — чего ты боишься? Терять нечего. Только призраков.

Ася перевела взгляд на красное платье. Потом на фотографию на стене — та самая, свадебная, которую она ещё не сняла. Она смотрела на своё лицо — молодое, счастливое, наивное.

— Поехали посмотрим, — сказала она. — На этот отель.

— Вот это разговор, — Кира улыбнулась.

Собирала она недолго.

Один чемодан. Джинсы, свитера, бельё. Туалетные принадлежности. Паспорт. И красное платье, которое она бережно сложила и упаковала в отдельный пакет.

Всё, что осталось от шести лет брака, поместилось в один чемодан.

Ася прошла по квартире. Потрогала стены — белые, идеальные. Заглянула на кухню. В спальне остановилась у кровати. Поправила одеяло на своей половине — привычка, которая не ушла даже сейчас. Потом подумала и сбила его — пусть лежит как попало. Ей всё равно.

Ключи она положила на тумбочку в прихожей. Рядом — кольцо. Обручальное. Ася смотрела на него несколько секунд. Простое золотое кольцо, которое ей казалось символом вечной любви. Теперь оно выглядело как кандалы.

Она не взяла его.

Захлопнула дверь. Не оглядываясь.

Трасса была пустой. Ноябрь, серое небо, голые деревья по обочинам. Кира вела уверенно, одной рукой, второй листая навигатор. Ася смотрела в окно и думала о том, что оставляет позади.

Квартиру, где прожила шесть лет. Мужчину, который сказал «люблю» другой. Подругу, которая улыбалась ей в лицо и спала с её мужем. Всю эту фальшивую, удобную, бежевую жизнь.

Впереди была неизвестность.

Страшно было до дрожи. Но внутри, там, где поселилась сталь, было спокойно.

— Три часа, — сказала Кира. — Можешь поспать.

— Не усну.

— Тогда смотри по сторонам. Запомни этот день.

— Это первый день моей новой жизни, — закончила Ася.

Кира улыбнулась и нажала на газ.

Отель оказался рухлядью.

Они приехали в сумерках, когда ноябрьское небо окрасилось в лиловый, а фонари на единственной улице городка работали через один. Кира свернула на просёлочную дорогу, машину затрясло на ухабах.

— Ты уверена, что навигатор не врёт? — спросила Ася, вцепившись в поручень.

— Уверена, — сквозь зубы ответила Кира. — Вон, видишь?

Впереди, в стгущающихся сумерках, возник силуэт.

Трёхэтажное здание из красного кирпича, с выбитыми окнами и облупившейся штукатуркой. Крыша местами провалилась, местами торчали стропила, похожие на рёбрадохлого животного. Входная дверь висела на одной петле. Вокруг — запущенный парк, заросший бурьяном. Когда-то здесь была аллея, теперь — джунгли.

Кира заглушила двигатель. Они вышли из машины, обошли отель кругом. Тишина. Только ветер гуляет в пустых проёмах окон, да где-то вдалеке лает собака.

— Это рухлядь, — сказала Кира, когда они вернулись к машине. В её голосе не было злорадства — только констатация факта. — Ася, посмотри на это. Крыши нет, окна выбиты, внутри, наверное, всё сгнило. Здесь столько денег нужно... у тебя их нет. И у Вадима — тем более, он в это вкладываться не будет.

Ася стояла напротив здания и молчала.

Она смотрела на этот отель — развалину, никому не нужную дыру, забытую даже собственником — и чувствовала странное родство. Она тоже была развалиной. Тоже никому не нужной. Тоже забытой.

Но внутри неё, как и внутри этого здания, ещё теплилась жизнь.

Она подошла ближе. Заглянула в одно из окон. Внутри — груды мусора, обломки мебели, обои, свисающие со стен. Но потолки — высокие. Лепнина на карнизах — кое-где осыпалась, но угадывалась былая красота. И запах — старый, пыльный, но не затхлый. Запах истории.

— Я остаюсь, — сказала Ася.

Кира повернулась к ней резко.

— Ты с ума сошла? Здесь даже спать негде!

— Я остаюсь, — повторила Ася. — Это наше. Моё и Вадима. Моя половина. Я хочу попробовать. Если я смогу это восстановить, у меня будет козырь в переговорах.

Кира смотрела на неё долго, несколько секунд. Потом вздохнула. Улыбнулась.

— Ты точно рехнулась, — сказала она. — Но план звучит... почти безумно достаточно, чтобы сработать. Вадим ненавидит возиться с тем, что не приносит денег. А этот отель — дыра, которая будет жрать бюджет. Он с радостью от него избавится.

— Значит, я должна сделать так, чтобы отель стоил того, — Ася обвела рукой здание. — Чтобы он увидел в нём потенциал. Или хотя бы не увидел — и отдал мне за бесценок.

— Ты говоришь как бизнесмен, — усмехнулась Кира. — Я тебя не узнаю.

— Я сама себя не узнаю, — честно ответила Ася.

Кира уехала через час.

Оставила Асе фонарик, запасную куртку, термос с чаем и упаковку печенья. Пообещала вернуться завтра с продуктами, водой и спальником.

— Если что — звони, — сказала она из окна машины. — Я приеду в любую минуту.

— Всё будет хорошо, — ответила Ася.

Машина скрылась за поворотом. Стемнело окончательно.

Ася осталась одна.

Она вошла в отель через чёрный ход — парадная дверь не открывалась. Внутри пахло сыростью, деревом, чем-то старым и забытым. Фонарик выхватывал из темноты куски штукатурки на полу, сломанные стулья, обои, свисающие со стен лохмотьями.

Она нашла комнату, где сохранилась кровать — деревянная, массивная, без матраса. Постелила куртку, легла сверху. Накрылась Кириной курткой.

Первый час она лежала с открытыми глазами, вслушиваясь в тишину. Потом начала проваливаться в сон.

Среди ночи она проснулась от того, что кто-то ходил на втором этаже.

Шаги — медленные, тяжёлые, скрипучие. Кто-то мерно ходил взад-вперёд, взад-вперёд, по деревянному полу. Сердце Аси замерло. Она вцепилась в край кровати, боясь дышать.

А потом поняла. Ветер.

Старое здание, сквозняки, дерево, которое играет от перепадов температур. Это просто ветер.

Но осадок остался.

Ася села на кровати, обхватила колени руками. Посмотрела в окно — там, за выбитыми стёклами, висела луна. Холодная, белая, одинокая.

— Ну что, — сказала она вслух пустому отелю. — Мы теперь вместе. Рухлядь и рухлядь. Может, и сработаемся.

Ей никто не ответил. Но ветер стих.

Глава 7. Инвентаризация жизни

Ася проснулась от солнечного света.

Он пробивался сквозь выбитые окна, ложился золотистыми полосами на грязный пол, делал отель почти красивым. Почти живым. Ночные страхи развеялись вместе с темнотой — ветер больше не казался шагами призраков, а скрип половиц — зловещим шепотом.

Она села на кровати, потянулась. Хрустнула шея — спать без подушки на куртке было тем ещё испытанием. Но Ася не жаловалась. Она чувствовала себя странно бодрой. Как будто организм наконец-то понял, что война окончена, можно выдохнуть.

Днём отель не был страшным.

Он был печальным.

Ася натянула джинсы, свитер, завязала волосы в пучок. Фонарик оставила на кровати — он не понадобится. Взяла телефон, блокнот, ручку. И вышла в коридор.

Первый этаж встречал её запахом сырости и старой пыли.

Холл был огромным — когда-то здесь стояла ресепшен-стойка из тёмного дерева, висели тяжелые люстры, на полу лежал паркет, выложенный ёлочкой. Теперь стойка превратилась в грудку щепок, люстры отсутствовали — остались только крюки на потолке, а паркет вздыбился и местами провалился.

Ася сделала несколько шагов. Пол скрипел, как старый дед.

— Здравствуй, — сказала она зданию вслух. — Я твоя новая хозяйка. Надеюсь, мы поладим.

Здание промолчало. Но Асе показалось, что скрип стал чуть тише.

Она пошла дальше.

Ресторан.

Большое помещение с панорамными окнами — сейчас заколоченными фанерой. Когда-то отсюда открывался вид на парк. Ася представила: утро, зал залит солнцем, на столах — белые скатерти, в вазах — живые цветы. Официанты разносят кофе. Гости улыбаются.

Она открыла глаза. Реальность была жестокой: ободранные стены, сломанные стулья, сложенные в углу, на полу — горы мусора. В углу, на подоконнике, кто-то оставил бутылку — давно, бутылка покрылась пылью и паутиной.

Ася вздохнула. Записала в блокнот: «Ресторан — нужна полная перестройка».

Кухня.

Относительно живая. Плита — старая, но чугунная, такие не ломаются. Холодильник не работал — внутри пахло чем-то нехорошим, Ася поспешно закрыла дверцу. Раковина забита, трубы заржавели. Но сама планировка — удобная, профессиональная. Видно, что дед Вадима знал толк в ресторанном деле.

«Кухня — замена сантехники, электропроводки. Плита — сохранить», — записала Ася.

Второй этаж.

Десять номеров. Ася открывала двери по очереди, заглядывала внутрь, делала пометки.

Первый номер — самый маленький, с окном во двор. Сохранилась кровать — металлическая, с латунными шишечками. Обоны осыпались, но под ними — хорошая штукатурка.

Второй — просторнее, с двумя окнами. Лепнина на потолке — ангелочки, цветы, всё осыпается, но рисунок угадывается. «Восстановить лепнину — дорого, но красиво».

Третий — разгромлен сильнее всего. Кто-то выбил стену между ним и соседним номером. Возможно, делали ремонт и бросили. Ася записала: «Объединить с четвёртым — получится люкс».

Пятый, шестой — примерно одинаковые, средней руки. Сохранились старые светильники на стенах — бронзовые, с паутиной, но видно, что дорогие. «Светильники — реставрация».

Седьмой — странный. Маленькое окошко под потолком, на стенах — тёмные разводы. Сырость. «Проблемы с гидроизоляцией. Дорого».

Восьмой — с балконом. Балкон держался на честном слове и трёх прогнивших досках. «Опасно. Закрыть либо перестраивать».

Девятый и десятый — двухкомнатные, с ванными. Ванны — чугунные, на львиных лапах. Ася ахнула, когда увидела. Такие сейчас стоят бешеных денег. «Сохранить ванны. Это бриллианты».

Третий этаж — чердак.

Лестница наверх скрипела и шаталась, но выдержала. Ася поднялась.

Чердак был огромным — под самой крышей, с косыми потолками и маленькими окнами. Сейчас здесь обитали голуби. И не только они — судя по следам, и кошки, и кто-то покрупнее. Пол был усыпан помётом, старыми газетами, битым стеклом.

Но какой потенциал!

Ася представила: мансардные номера с видом на звёзды, деревянные балки под потолком, мягкое освещение. Дорого. Романтично. Для тех, кто приезжает не просто переночевать.

«Чердак — перекрыть крышу, утеплить, сделать мансарду. Дорого, но окупится».

Подвал.

Туда она спускаться не стала. Заглянула в проём — темно, сыро, пахнет плесенью и чем-то химическим. Бойлерная, наверное, или прачечная. Взяла на карандаш: «Нужен мастер по коммуникациям».

Задний двор.

Ася вышла через чёрный ход и замерла.

Посреди заросшего бурьяном двора стоял фонтан.

Он был мраморным — когда-то белым, теперь серым от времени и грязи. Тритон с трубой, из которой когда-то была вода. Чаша расколота, внутри — гнездо какой-то птицы. Но сам фонтан был красивым. Настоящим произведением искусства.

Ася подошла ближе, провела рукой по мрамору. Холодный, шершавый, живой.

— Тебя я точно восстановлю, — сказала она.

Фонтан молчал. Но Асе показалось — или мрамор стал чуть теплее?

Она вернулась в холл. Села на ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж.

Открыла блокнот. Пробежалась глазами по записям. Десять номеров. Ресторан. Кухня. Холл. Чердак. Подвал. Двор. Фонтан.

Масштаб работ был огромным. Пугающим. Казалось невозможным.

Ася достала телефон, открыла приложение банка. Посмотрела на остаток на карте.

Тридцать тысяч рублей.

Тридцать тысяч на всё про всё.

Она закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула.

«Денег хватит на замену труб в половине номеров, — подумала она. — Или на косметический ремонт холла. Но не на всё сразу».

Она открыла блокнот. На чистом листе написала:

«1. Вода»

Подумала. Дописала:

«2. Инвестор?»

«3. Банк?»

«4. Чудо?»

Смотрела на слово «чудо». Усмехнулась.

— Чудес не бывает, — сказала себе вслух.

В пустом холле голос звучал глухо, неестественно.

Зазвонил телефон.

Ася посмотрела на экран. Вадим.

Она взяла трубку после второго гудка. Голос спокойный, деловой — таким она не говорила с ним никогда.

— Слушаю.

— Ты где? — В его голосе было что-то новое. Непривычное. Он не знал, как с ней разговаривать.

— В отеле. Твоём. Нашем, — поправила она. — Я хочу обсудить документы. Когда подписывать?

— Какие документы? — Вадим явно не ожидал такого поворота.

— Оформление наследства. Отель перешёл к тебе в браке, значит, это совместно нажитое имущество. Я имею право на половину. Я хочу официально закрепить это документально.

На том конце повисла тишина. Такая долгая, что Ася подумала — он бросил трубку.

— Откуда ты знаешь про отель? — спросил Вадим наконец. Голос сел, стал тише.

— Умею читать, — спокойно ответила Ася. — Когда подписывать?

Вадим замялся. Она чувствовала его растерянность даже через телефон. Он привык к другой Асе — тихой, покорной, которая кивает и улыбается. Эта новая — холодная, расчётливая — пугала его.

— У юриста, — сказал он сухо. — Через неделю. Я скажу, когда и где.

— Хорошо. Пришлите копию документов заранее, я изучу. У вас есть мой адрес.

— Я... — начал Вадим и запнулся.

— Что-то ещё? — Ася говорила вежливо, как с незнакомцем. Как с клиентом.

— Нет, — он бросил трубку.

Ася посмотрела на экран. Зелёная кнопка вызова погасла.

Раньше её сердце билось чаще от одного его голоса. Раньше она ждала его звонков днями, ловила каждое слово, боялась, что он повесит трубку слишком быстро. Раньше его «я занят» было приговором, его «хорошо» — наградой.

Теперь — пустота.

И в этой пустоте было что-то освобождающее.

Ася убрала телефон в карман. Встала со ступенек. Посмотрела на лестницу, уходящую вверх.

— Что, чудо? — сказала она пустому отелю. — Не надейся. Я сама буду твоим чудом.

Она пошла на чердак.

Лестница скрипела под ногами, но не подвела. Наверху было светло — солнечный свет пробивался сквозь щели в крыше, пыль танцевала в воздухе. Голуби, испуганные её появлением, вылетели в слуховое окно.

Ася прошла между старыми креслами, комодами, картинами в потрескавшихся рамах — чьи-то забытые вещи, хлам, который когда-то был чьей-то жизнью.

В углу, на груде газет, лежала книга.

Ася подняла её. Стёрла пыль ладонью. Кожаный переплёт, потрёпанный, но крепкий. «Мастер и Маргарита». Булгаков.

Она открыла наугад.

Книга сама нашла нужную страницу. Как будто ждала.

Ася прочитала:

«Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык!»

Она замерла.

Смотрела на буквы, сложенные в слова, которые кто-то напечатал много лет назад. Слова о любви — той, в которую она перестала верить. Той, которую предал Вадим. Той, которую, возможно, не существует вовсе.

Ася закрыла книгу.

Положила на подоконник, рядом с голубиным помётом и старым осколком стекла.

— Посмотрим, — сказала она пустому чердаку. — Посмотрим.

Книга не ответила.

Но солнечный свет упал на обложку, высветил золотые буквы. Как будто кто-то сказал: «Да».

Ася спустилась вниз. Взяла в холле свой блокнот.

На странице, где было написано «4. Чудо?», она перечеркнула вопрос и написала жирными буквами:

«4. Я САМА»

Визуал к главе 8

Глава 8. Случайная встреча

К обеду Ася поняла, что задыхается.

Не от сырости или пыли — от мыслей, которые роились в голове, как те голуби на чердаке. Она пересчитала номера, набросала схему, прикинула смету. Тридцать тысяч рублей выглядели насмешкой над масштабом разрушений. Тридцать тысяч — это даже не одна дверь. Это половина двери. Это четверть.

Она натянула куртку — Кирину, запасную — и вышла из отеля.

Городок, в котором оказалась Ася, назывался Зареченск. Когда-то, наверное, это был уютный провинциальный центр с главной площадью и кинотеатром. Теперь — тихие улицы, облупившиеся фасады, редкие прохожие. Ноябрьское солнце светило бледно и неуверенно.

Ася шла наугад, не глядя по сторонам. Свернула на улицу, где оказалось несколько магазинов и... кофейня.

Маленькая, неприметная, с вывеской «Кофе и булочки». Ася толкнула дверь.

Внутри было тепло. Пахло корицей и свежей выпечкой. Две деревянные стойки, три столика, барменша за прилавком листала книгу. Кофейня была пуста — ни души.

— Американо, пожалуйста, — сказала Ася.

— Большой? Маленький? Двойной?

— Большой. И двойной.

Барменша улыбнулась. Через минуту перед Асей стояла чашка обжигающего кофе.

Она села у окна. Достала блокнот, открыла на схеме номеров. Крупные прямоугольники — номера. Мелкие — окна, двери. Стрелки — куда идёт вода. Крестики — где самые страшные разрушения.

Она рисовала и не смотрела по сторонам. Кофе стыл. Дневной свет падал на блокнот, высвечивая карандашные линии.

«Если объединить третий и четвёртый, получится люкс метров шестьдесят. Ванну из четвёртого перенести... нет, дорого. Оставить как есть, только новую сантехнику...»

Ручка выскользнула из пальцев и покатилась на пол.

— Чёрт, — прошептала Ася, нагнулась, но не достала.

Кто-то поднял ручку. Первым — быстрее, чем она успела среагировать.

— Вы что-то потеряли, — сказал мужской голос.

Низкий. Спокойный. С хрипотцой, как будто только проснулся.

Ася подняла глаза.

Перед ней стоял высокий мужчина. Очень высокий — ей пришлось задрать голову. Тёмные волосы, чуть взъерошенные — будто он проходил рукой и не думал укладывать. Тёмно-карие глаза с прищуром — кажется, что он видит человека насквозь. Лицо с резковатыми чертами: волевой подбородок, нос с лёгкой горбинкой, высокие скулы. И улыбка — редкая, но сейчас он улыбался, и от этого улыбка меняла лицо, делала его почти мальчишеским.

На нём был дорогой пиджак, наброшенный поверх тёмной водолазки. Часы на кожаном ремешке. Руки крупные, с длинными пальцами — не холёные, рабочие.

— Спасибо, — Ася взяла ручку.

Их пальцы не коснулись. Но могло бы.

Мужчина кивнул и сел за соседний столик — тот, что ближе к окну. Заказал эспрессо. Барменша — та, что читала книгу — встрепелась, засуетилась. Видно, местный, постоянный.

Ася вернулась к блокноту. Но карандаш больше не слушался. Она чувствовала на себе взгляд — не навязчивый, не липкий, но ощутимый. Как прикосновение.

Она подняла глаза. Он смотрел на неё. В упор. Спокойно. Как будто рассматривал картину в галерее.

— У вас всё в порядке? — спросил он.

Ася не поняла. Потом заметила, что он смотрит на её лицо — на глаза. Она не спала эту ночь. Вчера не спала. И позавчера. Красные веки, тени под глазами. Вид тот ещё.

— Личное, — ответила она коротко. Обычно после этого слова люди понимали, что лезть не надо.

— Понимаю, — кивнул он. — У меня тоже всё личное.

Он не отвел взгляд. Не сделал вид, что не заметил. Просто признал: да, я вижу, что тебе плохо, и не делаю вид, что всё нормально.

Ася не знала, почему это её задело. Может, потому что Вадим шесть лет делал вид. Может, потому что Карина делала вид. Может, потому что она сама делала вид.

— Ася, — сказала она. Вдруг, неожиданно для себя. Обычно она представлялась «Анастасия» — так солиднее, так учил Вадим.

Мужчина кивнул. Молчал несколько секунд — не потому, что не знал, что сказать, а потому что умел держать паузу.

— Матвей, — сказал он наконец. — Матвей Соболев.

Мир остановился.

Ася замерла. Имя — она знала это имя. Вадим произносил его сквозь зубы, с ненавистью, которая бывает только у конкурентов. «Этот Соболев опять перебил сделку», «Соболев нашёл инвесторов за спиной», «Соболев, Соболев, Соболев». Главный враг. Человек, которого Вадим боялся.

— Вы знаете, кто я, — сказал Матвей. Это не было вопросом.

— Да, — Ася кивнула. — Мой... бывший муж — Вадим Князев.

Матвей прищурился. В его глазах мелькнуло удивление — или интерес. И то и другое. Он не отпрянул, не изменился в лице. Только откинулся на спинку стула и взял свою чашку эспresso.

— Вот как, — сказал он спокойно. — Мир тесен.

Он не встал. Не ушёл. Не сказал «приятно познакомиться» и не сделал вид, что ему всё равно. Он поставил чашку на стол, взял свой стул и пересел за её столик.

Ася смотрела на него широко открытыми глазами.

— Вы не против? — спросил он. — Здесь удобнее разговаривать.

— Мы разговариваем?

— Пока нет, — он улыбнулся — той редкой, почти мальчишеской улыбкой. — Но мне кажется, нам есть что сказать друг другу.

Ася молчала. Слишком много всего навалилось за последние дни. И теперь — это. Конкурент мужа сидит напротив и смотрит на неё так, будто она не просто «бывшая жена», а что-то большее.

— Вы сказали «бывший», — заметил Матвей. — Недавно?

— Неделю, — Ася усмехнулась. — Или вечность. Я уже не помню.

— Я понимаю, — он кивнул. — Развод — это похороны. Только человек ещё жив.

Ася посмотрела на него с удивлением. Обычно люди говорили что-то ободряющее или неловко молчали. А он сказал правду. Жестокую, но правду.

— Да, — сказала она. — Похороны. Хоронили шесть лет.

Матвей не перебивал. Не задавал вопросов. Просто сидел и слушал. И Ася, сама не зная почему, начала рассказывать. Про чек. Про запах чужих духов. Про слово «люблю» в ночной

тишине. Про фотографии. Про Карину. Про отель, который оказался рухлядью. Про тридцать тысяч рублей на счету.

Она говорила, а он слушал. Не перебивая, не сочувствуя громко, не предлагая решений. Просто сидел и смотрел на неё своими тёмно-карими глазами.

Когда она закончила, он молчал несколько секунд. Потом сказал:

— Князев — дурак.

И замолчал. Ася ждала продолжения — какого-нибудь «но», какой-нибудь жалости. Но не дождалась.

— Вы, кажется, это и без меня знаете, — добавил он.

Ася невольно улыбнулась.

— Кажется, да.

Первый раз за неделю — не горькая улыбка, не кривая, не через силу. Настоящая. Короткая, но настоящая.

Матвей заметил. И улыбнулся в ответ — чуть шире, чем раньше.

— Расскажите про отель, — сказал он. — Вы там будете жить?

— Я там уже живу, — Ася вздохнула. — Сплю на куртке, утром проснулась от того, что по второму этажу кто-то ходит. Оказалось — ветер.

— А вы думали — привидения?

— В ту ночь — да. Утром поняла, что привидения — это мои бывшие. А ветер — это просто ветер.

Матвей смотрел на неё внимательно. Без насмешки. Без жалости.

— Сколько номеров?

— Десять. Плюс ресторан, кухня, чердак, подвал. И фонтан во дворе — мраморный, с тритоном.

— С тритоном?

— С трубой, — Ася улыбнулась. — Тритон с трубой. Когда-то из неё была вода. Сейчас там гнездо.

Матвей усмехнулся. Коротко, почти неслышно.

— Вы рисуете схему? — кивнул на блокнот.

— Пытаюсь. Денег нет, идей полно. Классическое женское — «я ничего не умею, но я что-нибудь придумаю».

— Звучит как бизнес-план, — сказал Матвей. — Я серьёзно. Большинство людей ждут чуда. А вы уже пишете список.

— Там есть пункт «чудо», — призналась Ася. — Я перечеркнула и написала «я сама».

Матвей посмотрел на неё долго. Так, что она почувствовала — в этом взгляде не было оценки. Было что-то другое. Уважение? Интерес? Она не поняла.

— Чудо — это не бизнес-план, — сказал он. — Но звучит красиво. «Я сама». Это лучше, чем ждать манны небесной.

Он отодвинул пустую чашку. Посмотрел в окно, потом снова на Асю.

— Не продавайте отель, — сказал он вдруг.

— Я и не собиралась.

— Вот и правильно, — он кивнул. — В нём что-то есть. Как и в вас.

Ася замерла. Сердце пропустило удар. Она смотрела на него и не знала, что ответить. Слишком много. Слишком быстро. Слишком неожиданно.

Она отвела взгляд. Посмотрела в окно — на пустую улицу, на бледное солнце, на женщину с коляской, которая медленно шла мимо кофейни.

— Мне пора, — сказала она.

Повернулась к столику. Матвея не было.

Он ушёл. Незаметно, как появился. Только на столе, на том месте, где он сидел, осталась визитка.

Ася взяла её. Прочитала:

«Матвей Соболев. Девелопмент».

И номер телефона. Два номера — мобильный и рабочий.

Она смотрела на визитку долго. Вертела в пальцах. Гладкая бумага, строгий шрифт, никаких украшений. Как он сам.

Выкинуть не поднялась рука.

Ася положила визитку в блокнот, между страниц со схемой номеров и списком дел. Потом закрыла блокнот, допила остывший кофе и вышла на улицу.

Солнце светило ярче, чем час назад. Или ей только показалось.

Глава 9. Предложение

Два дня Ася почти не выходила из отеля.

Она красила стены. Сама. Денег на рабочих не было, а руки чесались — нужно было делать хоть что-то, чтобы не сойти с ума от тишины и собственных мыслей. Вадим не звонил. Кира приезжала вчера, привезла продукты, спальник, старый плед и сказала: «Ты выглядишь как фурия. Мне нравится». И уехала — у неё были тренировки, клиенты, жизнь.

Ася осталась одна.

Она натянула старую футболку, которую нашла в шкафу одного из номеров — мужскую, выцветшую, с чужой фамилией на спине. Волосы собрала в высокий хвост. На щеке уже красовалась полоса белой краски — она не заметила, когда испачкалась.

Холл преображался медленно. Стены больше не выглядели больными — свежий слой краски скрыл пятна сырости, трещины, старую грязь. Ася начала с дальнего угла — того, что бросался в глаза сразу при входе. Теперь она двигалась к центру, валик в руках, ведро с краской у ног.

Она не слышала, как подъехала машина. Не слышала шагов.

Стук в дверь заставил её вздрогнуть. Валик выпал из рук, шлёпнулся на газету, которой был застелен пол. Ася выругалась сквозь зубы — Вадим не учил её ругаться, но здесь, в этом отеле, она позволяла себе всё, что раньше было под запретом.

Она открыла дверь.

На пороге стоял Матвей Соболев.

В тёмном пальто, с пакетом из кофейни в одной руке и кожаной папкой под мышкой. Он окинул взглядом Асю — испачканную краской футболку, хвост, выбившиеся пряди, полосу побелки на щеке — и его лицо чуть дрогнуло. Улыбка? Удивление? Ася не разобрала.

— Решил посмотреть на ваш отель, — сказал он. — Не прогоните?

Ася отступила. Он вошёл.

В холле было светло — она отмыла окна вчера. Солнечный свет падал на свежеевыкрашенную стену, на газеты на полу, на старый диван, который она застелила пледом. Матвей огляделся внимательно, как будто оценивал объект. Ничего не комментировал — просто смотрел.

— Экскурсия будет? — спросил он.

Ася пожала плечами. Вытерла руки о джинсы — всё равно уже грязные. Валик оставила в ведре.

— Пойдёмте.

Она показала ему всё. Холл, ресторан с заколоченными окнами, кухню с чугунной плитой. Второй этаж — все десять номеров, их латунные кровати и чугунные ванны. Чердак, где голуби снова вернулись и сидели на подоконнике, уставившись на непрошенных гостей. Даже подвал — заглянули, не спускаясь.

Матвей задавал вопросы. Но не те, которые ожидала Ася. Не «сколько стоит», не «когда построено». Другие. Про лепнину: «Восстановить можно?». Про фонтан: «Тритон цел?». Про чердак: «Здесь будет мансарда?».

Ася отвечала, и с каждым ответом чувствовала себя странно. Он слушал. Он действительно слушал. Не делал вид, не кивал вежливо — задавал уточняющие вопросы, смотрел на стены, на потолки, как будто видел то, чего пока не было.

Они вернулись в холл. Ася села на диван, обхватила колени руками. Матвей сел напротив, на перевернутое ведро из-под краски — другого стула не нашлось.

— Вы хотите купить отель? — спросила Ася прямо. Она не умела ходить вокруг да около. Вадим отучил её от прямоты, но здесь, в этом отеле, она решила, что будет говорить, как думает.

Матвей покачал головой.

— Нет.

— Тогда зачем вы здесь?

Он помолчал. Посмотрел на неё — долго, изучающе. Потом открыл папку, которая была с ним, положил на газету.

— Я хочу вложить в него деньги, — сказал он. — Но есть условие.

Ася напряглась. Руки сжались на коленях.

— Какое?

Матвей выдержал паузу. Умел он это делать — держать паузу так, что воздух становился плотным.

— Вы станете моей невестой, — сказал он. — На полгода. Фиктивной.

Ася замерла.

Секунду она смотрела на него, не веря своим ушам. Потом открыла рот, закрыла. Открыла снова.

— Фиктивная невеста? — переспросила она. Голос сорвался на фальцет. — Как в плохом романе?

Матвей не улыбнулся.

— Как в хорошем бизнес-плане, — поправил он. — Хотите посмотреть?

Он протянул папку. Ася взяла, но не открыла. Смотрела на него, всё ещё не веря.

— Вы серьёзно?

— Я всегда серьёзен, когда речь идёт о деньгах, — он откинулся назад, ведро опасно качнулось. — Ваш отель — дыра. Вы это знаете. Я это знаю. Но в нём есть потенциал. Сто вложений, и он станет приносить прибыль. У вас нет денег, у меня — есть. Вопрос в том, на каких условиях мы сотрудничаем.

— И ваши условия — я играю роль вашей невесты? — Ася усмехнулась. Горько. — Звучит как сделка с дьяволом.

— Скорее, с человеком, которому нужна деловая партнёрша, — возразил Матвей. — Мне нужен образ стабильного семейного человека. Для крупных переговоров. Инвесторы доверяют тем, у кого есть семья. Это стереотип, но он работает.

— И для этого нужна невеста?

— Невеста — это статус, — Матвей говорил спокойно, как лектор на семинаре. — Не «девушка», не «партнёрша», не «пассия». Невеста. Свадьба назначена на весну. К тому моменту сделки будут закрыты.

— А потом? — Ася почувствовала, как внутри разгорается злость. Не на него — на ситуацию. — Потом вы меня выбрасываете, как отработанный материал?

— Потом мы расстанемся, — спокойно ответил Матвей. — Вы с отелем. Я со своей репутацией.

Ася смотрела на него. Долго. В его лице не было насмешки, не было высокомерия. Только спокойная уверенность человека, который привык, что его предложения принимают.

— Почему я? — спросила она. — Красивых женщин в Москве много. Вы могли выбрать любую.

— Я мог, — согласился Матвей. — Но мне не нужна красавица, которая влюбится и потребует кольцо. Мне не нужна актриса, которая забудет текст. Мне нужна женщина, которая не станет требовать больше, чем я могу дать.

— Вы меня совсем не знаете.

— Я знаю, что вас бросил муж, — сказал Матвей. — Я знаю, что вы остались без денег, без жилья, без профессии. Я знаю, что вы ночуете на полу в заброшенном отеле и красите стены.

Он сделал паузу.

— Я вижу, что вы не сломались. Это главное.

Ася молчала. Внутри всё кипело — обида, гордость, страх. И где-то глубоко, там, где она прятала самые постыдные мысли, — интерес. Не к нему. К возможности, которую он предлагал.

— Вы предлагаете мне стать удобной, — сказала она тихо. — Я шесть лет была удобной для одного мужчины. Я не хочу быть удобной для другого.

— Я не прошу быть удобной, — Матвей посмотрел ей прямо в глаза. — Я предлагаю сделку. Равноправную. Вы получаете отель, я — спокойствие на переговорах. Если вам станет неудобно — вы уйдёте. В любое время. Без штрафов, без обязательств.

Он встал. Поправил пальто. Посмотрел на неё сверху вниз — в этом не было доминирования, только внимательность.

— Подумайте, — сказал он. — Я не давлю. Но отель сам себя не починит.

Матвей направился к выходу. Ася осталась сидеть на диване, глядя ему вслед. Он открыл дверь, обернулся.

— Папка ваша, — сказал он. — Изучите. Там всё честно. Если решитесь — позвоните.

Дверь закрылась. Шаги затихли.

Ася сидела, не двигаясь. Смотрела на папку, лежащую на газете у её ног. Кожаную, дорогую, с идеальными краями. Она открыла папку.

Договор. Чётко, по-деловому, без воды. Цифры, сроки, обязательства. Сумма, которую он вкладывает в отель — Ася присвистнула про себя. Таких денег она не держала в руках никогда. График работ. Его права, её права. И отдельным пунктом — условия «личного сотрудничества».

Выходы в свет. Совместные фотографии для соцсетей. Семейный ужин с партнёрами раз в две недели. Никаких физических обязательств.

"Никаких физических обязательств". Ася перечитала этот пункт три раза. Потом закрыла папку.

— Ты шесть лет была удобной, — сказала она себе. — Может, пора быть удобной за деньги, но на своих условиях. Холл молчал. Солнце светило в отмытые окна.

Ася положила папку на подоконник, взяла валик, обмакнула в краску. Вернулась к стене. Продолжила красить.

Глава 10. Я согласна

Ася продержалась два дня.

Два дня она ходила по отелю с папкой Матвея в руках, перечитывала договор, смотрела на цифры, вздыхала, клала папку на подоконник, брала валик и продолжала красить. Потом снова брала папку. Снова перечитывала. Снова вздыхала.

К концу второго дня стены холла были готовы на три четверти, а голова шла кругом. Она не могла думать ни о чём, кроме его предложения. Точнее — не могла не думать. Условия были чёткими, почти стерильными. Никаких намёков на романтику. Только бизнес. Только расчёт. Только цифры в столбцах.

Именно это пугало её больше всего.

Если бы он был мягче, теплее, если бы предложил «просто помочь», она бы отказала. Если бы намекнул на что-то большее — она бы выставила его за дверь. Но он говорил о сделке. О контракте. О взаимной выгоде. Как будто они заключали договор аренды, а не фиктивную помолвку.

Это сбивало с толку. И почему-то делало предложение почти приемлемым.

На третий день Ася сдалась. Собрала рюкзак, натянула джинсы, свитер — чистый, не тот, в котором красила — и поехала в Москву. К Кире.

Дорога заняла почти четыре часа. Две пересадки на электричке, потом автобус, потом метро. Ася ехала и смотрела в окно на серые ноябрьские пейзажи — голые деревья, пустые поля, редкие деревеньки с покосившимися заборами. Она думала о том, что оставляет позади, и о том, что ждёт впереди.

Отель. Стены, которые она красила сама. Фонтан с тритоном. Чердак, где голуби свили гнёзда прямо на подоконнике, рядом с книгой Булгакова.

И Матвей. Его тёмно-карие глаза, волевой подбородок, редкая улыбка. Его «вы не сломались». Его предложение, от которого нельзя было отказаться.

Она вышла на своей станции, прошла пешком несколько кварталов. Квартира Киры находилась в старом доме, с обшарпанным подъездом и вечно сломанным домофоном. Ася набрала код — Кира дала его ещё год назад, мало ли что — и поднялась на третий этаж.

Кира открыла дверь в спортивном костюме, с мокрыми после душа волосами, с полотенцем на плече. Увидела лицо Аси и сразу всё поняла.

— Чай? — спросила она вместо приветствия.

— Чай, — кивнула Ася.

Они прошли на кухню. Маленькую, тесную, с жёлтыми обоями и старым холодильником, который гудел как трактор. Кира заварила крепкий чёрный чай, поставила на стол печенье — Ася не притронулась. Сидела, обхватив кружку руками, и смотрела в одну точку.

— Рассказывай, — сказала Кира, садясь напротив.

Ася рассказала.

Про то, как Матвей появился в отеле. Как он смотрел на стены и задавал вопросы про лепнину. Как сел на перевёрнутое ведро, достал папку и сказал: «Вы станете моей невестой».

Про цифры в договоре. Про сумму, которая заставила её присвистнуть. Про пункт «никаких физических обязательств», который она перечитала три раза.

Про свой страх. Про надежду. Про то, что она почти согласилась, но не могла произнести это вслух.

Кира слушала молча. Не перебивала. Не задавала вопросов. Только сжимала свою кружку и смотрела на Асю внимательно, как смотрят на человека, который стоит на краю пропасти и решает — прыгать или нет.

— Он хочет, чтобы я притворялась его невестой, — закончила Ася. — За деньги. Звучит как...

Она запнулась. Не могла подобрать слово. В голове крутились варианты: «дешёвка», «афера», «безумие». Ни одно не подходило.

— ...как шанс? — закончила за неё Кира.

Ася подняла глаза.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно, — Кира откинулась на спинку стула. — Давай посмотрим правде в глаза, Ась. У тебя нет денег. Отель рушится. Вадим тебя вышвырнул, даже не попрощавшись. Ты ночуешь на полу, красишь стены в чужой футболке и считаешь копейки, чтобы купить хлеб. А тут — реальный шанс. Не просто выжить, а встать на ноги.

— Это неправильно, — Ася покачала головой. — Это как продаться.

— Ты не продаёшься, — Кира подалась вперёд, положила локти на стол. — Ты заключаешь контракт. Ты шесть лет это делала бесплатно. Шесть лет! Ты была идеальной женой, готовила ужины, завязывала галстуки, улыбалась его партнёрам и получала за это ровно ноль рублей, ноль копеек и полное ощущение собственной никчёмности. А теперь тебе предлагают деньги. Настоящие. И не за то, чтобы ты лежала в постели и терпела, а за то, чтобы ты выходила в свет с красивым мужчиной и улыбалась фотографам. Где тут «продаться»? Ты продавала себя всё это время. Бесплатно. Сейчас тебе хотя бы предлагают достойную компенсацию.

— Ты чудовище, Кир, — Ася усмехнулась. Горько, но в этой горечи проступило что-то живое. Какая-то искра, которую она не чувствовала уже давно. — Ты говоришь об этом так, будто это просто работа.

— А это не работа? — Кира подняла бровь. — У тебя будет график, обязанности, вознаграждение. Ты будешь выходить в свет несколько раз в месяц, улыбаться, держать его под руку и делать вид, что вы пара. Чем это отличается от любой другой работы, где люди притворяются вежливыми, терпеливыми и заинтересованными?

— Ты сравниваешь притворство с работой?

— А разве нет? — Кира отпила чай, поставила кружку. — Ты работала в офисе до замужества? Там все притворяются. Притворяются, что любят начальника. Притворяются, что им интересно на планерках. Притворяются, что они не хотят убить коллегу, который съел их йогурт из холодильника. Ты шесть лет притворялась счастливой. Полгода притворялась, что не замечаешь странностей. Вчера ты притворялась, что красить стены — это нормально для женщины с твоим образованием и способностями. Притворяться ты умеешь. Вопрос не в этом. Вопрос — зачем ты это делаешь: ради выживания или ради страха?

Ася замолчала. Смотрела в кружку. Чай остыл, на поверхности плавала чайинка — одинокая, как она сама.

— Он говорил, что я не сломалась, — сказала она тихо. — Что это главное.

— Он прав, — Кира кивнула. — Ты не сломалась. Ты покрылась трещинами, как этот твой фонтан с тритоном, но ты не рассыпалась. И трещины — это не страшно. Через них проникает свет. И знаешь что? Может, именно этот человек — не Вадим, не Карина, а этот, новый — поможет тебе увидеть этот свет. Или хотя бы профинансирует его появление.

Ася подняла глаза. Посмотрела на Киру — рыжую, веснушчатую, в старом спортивном костюме, с вечно взлохмаченными волосами. Самого надёжного человека в своей жизни.

— И что ты мне советуешь? — спросила она.

— Я не советую, — Кира покачала головой. — Я просто говорю: если ты откажешься — останешься с рухлядью, тридцатью тысячами и правом называть себя гордой. Если согласишься — у тебя будет отель, деньги и полгода на то, чтобы понять, хочешь ли ты жить так или иначе. Выбор за тобой. Но, Ась... — она помолчала, подбирая слова. — Гордость не греет. И не кормит. Гордость — это роскошь для сытых. А ты сейчас не та. Ты сейчас на дне. И когда ты на дне, хвататься надо за любую верёвку. Даже если эта верёвка пахнет чужим парфюмом и называется «фиктивная невеста».

Ася молчала долго. За окном стемнело, и Кира включила свет на кухне. Лампочка моргнула пару раз, прежде чем загореться — старая, экономная, с тусклым жёлтым светом.

В этом свете Ася выглядела бледной. Уставшей. Но в глазах — тех самых, больших, серых, которые Вадим называл «слишком наивными» — горело что-то новое.

Она достала телефон.

Нашла контакт Матвея. Написала:

«Я согласна. Но контракт подпишем при свидетелях».

Палец завис над кнопкой «отправить». Она смотрела на экран, и в голове крутились мысли — одна безумнее другой. «Что я делаю?», «Зачем я соглашаюсь?», «А вдруг это ловушка?», «А вдруг он псих?», «А вдруг Вадим узнает?», «А вдруг мне это понравится?»

Последняя мысль была самой страшной.

Она нажала «отправить».

Сердце колотилось где-то в горле, пульс отдавался в висках. Она смотрела на экран, боясь, что сейчас будет ответ с отказом. «Я передумал», «Это была шутка», «Вы мне не подходите», «Нашёл другую — моложе и сговорчивее».

Ответ пришёл через минуту.

«Юрист завтра в 10. Адрес скину».

Коротко. Чётко. Без смайликов. По-деловому.

Никаких «отлично», никаких «жду», никаких «я рад». Только факты. Только информация. Как будто они уже год работали в одной компании и просто согласовали график совещания.

Ася выдохнула. Так глубоко, что лёгкие заныли. Посмотрела на Киру.

— Завтра в десять. У юриста.

Кира улыбнулась. Не широко, не радостно — спокойно, по-матерински. Как улыбаются, глядя на ребёнка, который делает первые шаги и вот-вот упадёт, но его не ловят — дают научиться самому.

— Молодец, — сказала она. — Трусиха, но молодец.

Она подняла свою кружку.

— За новый старт?

Ася помедлила. Секунду смотрела на свою кружку с остывшим чаем, на плавающую чайнику, на отражение собственного лица в тёмной жидкости. Уставшее лицо. Красные глаза. Но в этих глазах — что-то новое. Твёрдое.

— За новый старт, — сказала она.

Кружки стукнулись. Чай расплескался, капнул на скатерть. Кира чертыхнулась, схватила тряпку. Ася усмехнулась — первый раз за день.

— И за то, чтобы ты в него не влюбилась, — добавила Кира, вытирая стол. — Потому что влюбишься — будет больно. Я таких историй насмотрелась. Сначала «контракт», потом «ой, а он не такой уж и плохой», потом «мне кажется, или он смотрит на меня иначе». А потом — слёзы, разбитое сердце и визит к психологу. Не хочу для тебя этого.

— Не влюблюсь, — Ася покачала головой. Голос звучал твёрже, чем она себя чувствовала. Гораздо твёрже. — Я больше никогда ни в кого не влюблюсь. Один раз обожглась — хватит. Вадим выжег во всём этом желание. Остался только пепел.

— Пепел, говоришь? — Кира посмотрела на неё с недоверием. С тем особенным недоверием, которое бывает у людей, знающих тебя слишком долго. — Ну-ну.

Она открыла рот, хотела что-то сказать — наверное, что-то про пепел, который иногда тлеет годами, а потом разгорается в самый неожиданный момент. Но передумала. Только кивнула.

— Ладно, — сказала она. — Тогда просто будь осторожна.

— Буду.

Они допили чай. Ася помогла вымыть кружки, вытереть стол. Собрала рюкзак. У двери Кира обняла её — крепко, по-спортивному, пахнущую шампунем и потом после тренировки.

— Если что — звони, — сказала Кира в макушку. — Даже ночью. Я приеду куда угодно. Хоть в этот твой Зареченск. Хоть на край света.

— Знаю, — Ася уткнулась в плечо подруги. На секунду позволила себе слабость — закрыла глаза, выдохнула. — Ты самая лучшая.

— Я знаю, — усмехнулась Кира. — Теперь иди. Завтра важный день.

Ася вышла в подъезд. Прошла к лифту. Нажала кнопку. Лифт не приехал — сломался, как всегда. Она пошла пешком по лестнице, считая ступеньки.

Внутри всё дрожало. Не от страха — от предвкушения. И от страха тоже. Вперемешку, как краски в ведре, которые она размешивала перед тем, как нанести на стену. Красная, белая, синяя — все вместе превращаются в грязно-серую массу. Но если не мешать, если дать каждому цвету остаться собой — может получиться красиво.

На улице моросил дождь. Ася натянула капюшон, пошла к метро. В голове крутились цифры из договора, условия, пункты. И его лицо — Матвея. Твёрдое, спокойное, с редкой улыбкой.

«Вы не сломались».

Может быть, он прав. Может быть, она действительно не сломалась. Просто согнулась — но не переломилась. И теперь, если выпрямится, станет выше, чем была.

Ася села в вагон. Достала наушники, включила музыку — старую, которую слушала в институте, до Вадима. До всего этого. До бежевых водолазок и тугих пучков. До того, как стала чьей-то женой вместо того, чтобы стать собой.

Она закрыла глаза и улыбнулась.

Завтра она подпишет контракт. Согласится быть фиктивной невестой. Впервые в жизни сделает что-то не ради любви, не ради страха, не ради «удобства» — а ради себя.

И это было самое правильное решение в её жизни.

Кира осталась одна.

Села на стул, на котором только что сидела Ася. Обхватила колени руками. Смотрела в окно. Там, в темноте, горели огни Москвы. Миллионы окон, миллионы жизней. И в одной из них — в маленькой квартире, где пахнет чаем и потом, — сидела Кира и думала.

— Она влюбится, — сказала Кира вслух пустой кухне. — Я её знаю. Она влюбится. И будет больно.

Она вздохнула. Встала, подошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу.

— Но, может быть, в этот раз боль того стоит. Может быть, этот Соболев — не Вадим. Может быть, он не сломает её. Может быть, он поможет ей стать той самой Асей — той, которую она похоронила шесть лет назад.

Кира повернулась, выключила свет на кухне. Пошла в спальню.

Всё равно ничего уже не изменить. Ася приняла решение. И Кира будет рядом. Что бы ни случилось.

Как всегда. С первого курса института. С той самой ночи, когда Ася плакала у неё на плече из-за парня, который не позвонил. Тогда Кира сказала: «Забудь его. Таких будет много». Ася не забыла. Вышла замуж за Вадима. И вот теперь — новый круг.

Кира легла в кровать, укрылась одеялом.

— Только бы не разбила сердце, — прошептала она в темноту. — Только бы не разбила.

Она закрыла глаза. За окном всё так же моросил дождь.

Завтра начнётся новая жизнь. Для Аси. Для Киры — просто очередной вторник. Но она будет рядом.

Глава 11. Строительство

Бригада строителей въехала в отель на четвёртый день после подписания контракта.

Ася проснулась от грохота. Ей показалось, что рушится крыша — такой звук стоял в холле. Она вскочила с кровати, натянула джинсы, схватила фонарик — хотя было уже светло — и выбежала в коридор.

В холле было полно чужих людей.

Пятеро мужчин в рабочих куртках, с инструментами, с грязными ботинками, которые топтали газеты, которыми она застелила пол. Огромная плита, привезённая на тележке. Вёдра, краски, мешки со штукатуркой, рулоны проводов.

— Вы кто? — спросила Ася, хотя уже догадалась.

— Сергей Петрович, прораб, — мужчина лет пятидесяти, с усами и спокойным взглядом, протянул ей мятый лист. — Вот наряд. Матвей Сергеевич прислал. Сказал, вы тут за старшую.

Ася взяла лист. Смета. График работ. Список бригады. Всё чётко, по-деловому. Как и всё, что делал Матвей.

— За старшую, значит, — повторила она.

— Ну да, — Сергей Петрович усмехнулся. — Матвей Сергеевич сказал: "Если Анастасия скажет переделывать — переделываете. Если скажет стоять — стоите". Мы люди подневольные, нам что скажут, то и делаем.

Ася не знала, что на это ответить. Поэтому просто кивнула и пошла показывать объект.

Так началась её новая жизнь.

Следующие две недели превратились в бесконечный поток дел. Ася вставала в пять утра — не потому что хотела, а потому что не могла спать от шума. Строители начинали работать в восемь, но она успевала до их приезда проверить, что сделано вчера, написать список задач на сегодня, разобрать входящие сообщения от поставщиков.

Она пила кофе с термосом — тот самый, которым Кира снабдила её в первый день. Ела на ходу, когда вспоминала. Хлеб с маслом, иногда — если повезёт — бутерброд с сыром. На нормальную еду не было ни времени, ни сил.

Бригада привыкла к ней быстро. Сначала мужики косились — баба, да ещё молодая, да ещё с таким лицом, будто только что похоронила кошку. Но уже к концу первого дня поняли: Анастасия — не просто декорация. Она проверяла каждый стык, каждую замазанную трещину, каждую протянутую трубу.

— Вы бы пошли чай попили, — сказал ей Сергей Петрович на второй день. — А то смотреть на вас страшно.

— Я потом, — ответила Ася, не отрываясь от планшета, где считала метраж плитки для ванн.

Она ложилась за полночь. Сначала пыталась работать при свечах — электричество ещё не починили, — но глаза быстро уставали. Потом купила в городке налобный фонарик и работала с ним. Сидела в своей временной комнате, разбирала счета, отвечала на письма, заказывала материалы.

Спала по четыре-пять часов. Иногда меньше.

Но отель преображался.

К концу первой недели в холле были новые окна — не пластиковые, а деревянные, под старину, как того требовал проект. Они пропускали свет, и теперь помещение не выглядело могилой. Высохла краска на стенах — бледно-бежевая, почти кремовая. Пол ещё не доделали, но доски уже не скрипели так жалобно.

В номерах закончили черновую отделку. Сантехники тянули трубы, электрики — провода. Ася следила, чтобы никто не перепутал, не срезал угол, не сэкономил на материалах.

Она была везде. Врывалась в туалеты, где меняли унитазы. Проверяла толщину стяжки на полу. Спорила с электриками о расположении розеток.

— Настя, вы бы передохнули, — сказал ей молодой рабочий Коля, когда она в третий раз за день пришла проверять проводку в третьем номере.

— Я передохну, когда всё будет готово, — ответила Ася.

Коля пожал плечами и полез под потолок с пассатижами.

На третий день в отеле появился Матвей.

Ася слышала его шаги раньше, чем увидела — тяжёлые, уверенные, не как у строителей, которые ходили осторожно, боясь поскользнуться. Она стояла в холле, сверяя накладную с доставкой плитки, когда дверь открылась.

Он вошёл в пальто, с папкой под мышкой. Огляделся — внимательно, цепко. Ничего не сказал, но Ася заметила, как чуть дрогнули его брови. Одобрительно.

— Матвей Сергеевич, — кивнул Сергей Петрович из-за стремянки.

— Здравствуйте, — ответил Матвей. И повернулся к Асе. — Проверить, как расходуются мои деньги.

Ася встретила его взгляд. Не отступила. Достала из кармана телефон, открыла папку с документами.

— Отчёт по смете за три дня. Чеки на материалы — все здесь. Фото выполненных работ. Могу показать каждый этап.

— Не сомневаюсь, — Матвей не взял телефон. — Я присяду?

— Садитесь.

Он сел на тот самый старый диван, который она застелила пледом. Ася села напротив — на перевёрнутое ведро, всё то же самое. Отчитывалась сухо, по фактам: сколько потрачено, сколько осталось, какие работы выполнены, какие перенесены на следующую неделю.

Матвей слушал молча. Не перебивал. Только смотрел — на неё, на её руки, на её лицо с кругами под глазами. Когда она закончила, он кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра привезу ещё денег. Плитка для ванных дороже, чем вы закладывали.

— Я знаю, — Ася чувствовала себя странно. Благодарность смешивалась с раздражением. Ей не нравилось быть обязанной. Даже если контракт был подписан, даже если условия были оговорены. — Спасибо.

Матвей встал. Посмотрел на неё сверху вниз.

— Выглядите ужасно, — сказал он.

— Спасибо, — повторила Ася. Теперь раздражения стало больше.

— Это не комплимент. Это констатация факта, — он поправил пальто. — Я пришлю кофе. И нормальную еду. Вы не едите.

Он ушёл, не дожидаясь ответа. Ася осталась сидеть на ведре, сжимая телефон. «Откуда он знает, что я не ем?» — подумала она. И сама себе ответила: «Он просто наблюдательный. Это его работа». Но внутри, где-то в груди, что-то ёкнуло.

Матвей сдержал слово. Кофе и еда приехали через два часа — не из местной кофейни, а из ресторана в Москве. Судя по упаковке, очень дорогого ресторана. Строители посмотрели на контейнеры с завистью. Ася взяла салат, запечённые овощи, пасту. Съела всё. Потом подумала и съела десерт — какой-то невероятный брауни.

Впервые за долгое время она поела не на ходу, не хлеб с маслом, а настоящую еду.

«Это часть контракта», — сказала она себе. «Он заботится об инвестициях. Плохо питающийся директор плохо управляет проектом». Логично. Практично. Безэмоционально.

Но почему-то на душе стало теплее.

На пятый день Матвей приехал снова. И опять — с пакетом из кофейни.

Ася стояла в холле, сверяя цвета краски для стен. Ей привезли два оттенка вместо трёх, и она пыталась разрулить ситуацию с поставщиком по телефону. Голос был усталым, почти больным.

Матвей вошёл, поставил пакет на подоконник. Достал два стаканчика с кофе и круассаны в бумажном кульке.

— Вы опять не завтракали, — сказал он.

Ася закончила разговор, убрала телефон. Посмотрела на пакет, потом на Матвея.

— Откуда вы знаете?

— У вас под глазами круги. И вы злая с утра, — спокойно ответил он. — Пейте кофе.

Ася хотела огрызнуться. Сказать, что она не злая, просто сосредоточенная. Что круги под глазами — результат работы, а не недосыпа. Что он не имеет права лезть в её режим.

Но кофе пах так хорошо. А круассаны лежали в пакете, присыпанные сахарной пудрой.

Она взяла стаканчик. Сделала глоток. Американо. Двойной. Как она любила.

— Откуда вы знаете, какой я пью кофе? — спросила она.

— В прошлый раз вы заказали американо в кофейне, — Матвей взял свой стаканчик — эспрессо. — Я запоминаю такие вещи.

— Для бизнеса?

— Для бизнеса, — кивнул он. — И немного для себя.

Ася не стала уточнять, что значит «немного для себя». Она боялась ответа.

На седьмой день случилось то, чего она не планировала.

Ася решила, что рабочие слишком медленно отдирают старые обои в коридоре на втором этаже. Они сказали: «Завтра закончим». Она сказала: «Закончим сегодня». И взялась за шпатель сама.

Стремянка стояла не очень устойчиво — ножка подкашивалась на неровном полу. Ася знала это. Но полезла. Обои поддавались плохо — старый клей, намертво въевшийся в штукатурку. Она давила, отдирала, материлась сквозь зубы.

А потом стремянка качнулась.

Всё произошло за секунду. Она почувствовала, как теряет равновесие, как земля уходит из-под ног, как летит вниз спиной — наверняка будет больно, наверняка сломает что-нибудь.

Но упасть не успела.

Чьи-то руки подхватили её за талию — резко, сильно. Ася вскрикнула, вцепилась в плечи — твёрдые, широкие. В лицо ударил запах парфюма — дорогого, с нотами кожи и цитрусов.

Она открыла глаза. Над ней — в нескольких сантиметрах — лицо Матвея.

Тёмно-карие глаза смотрели прямо в её. Без паники. Без страха. Только лёгкий прищур и едва заметная складка между бровями — он злился? Или просто сосредоточен?

Ася замерла. Забыла, как дышать. Её руки всё ещё сжимали его плечи. Его руки держали её за талию — крепко, надёжно, не отпуская.

Они стояли так несколько секунд. Или вечность. Ася не могла определить.

— Будьте осторожнее, — сказал Матвей. Голос низкий, ровный, но что-то в нём дрогнуло. — Я не хочу хоронить свои инвестиции.

Он медленно поставил её на ноги. Убрал руки. Сделал шаг назад.

Ася почувствовала, как пол обрёл твёрдость. Как дыхание вернулось. Как сердце колотилось где-то в горле.

— Вы не хотите хоронить меня или отель? — спросила она. Голос прозвучал хрипло — не узнала себя.

Матвей посмотрел на неё. Долго. Так долго, что она захотела отвернуться — но не смогла.

— Пока не решил, — сказал он.

И ушёл вниз по лестнице. Оставил Асю стоять посреди коридора, среди ободранных обоев и ключев старой штукатурки.

Она смотрела ему вслед и чувствовала, как дрожат руки. От страха. От адреналина. И ещё от чего-то, чему она не хотела давать имя.

На десятый день Матвей приехал с кистями и краской.

Ася встретила его в холле — разбирала образцы обоев, разложенные на газетах. Она смотрела на оттенки, щурилась, пыталась представить, как каждый будет смотреться при разном освещении. Работа была медленной и нудной, но она не доверяла её никому.

— Дайте кисть, — сказал Матвей, снимая пальто. Под ним оказалась тёмная водолазка, закатанные рукава открывали предплечья — сильные, с тёмными волосами. — Я умею красить.

Ася подняла глаза.

— Вы умеете красить?

— Я умею всё, что приносит прибыль, — он взял кисть из её рук, выбрал ведро с краской — тот самый кремовый оттенок, который она одобрила два дня назад. — Экономия на рабочей силе увеличивает рентабельность.

— Вы не обязаны, — сказала Ася. — У меня есть бригада.

— У вас бригада делает то, за что платят, — Матвей уже обмакнул кисть. — А я хочу лично убедиться, что стены покрашены правильно. Без экономии на качестве.

Ася хотела сказать, что он врёт. Что это не про качество и не про рентабельность. Что ему просто хочется быть здесь. С ней.

Но не сказала. Взяла вторую кисть. И встала рядом.

Они красили стену в холле вдвоём.

Сначала молча. Только ритмичные движения кистями, скрип старого паркета под ногами, дыхание — её и его. Ася старалась не смотреть в его сторону, но краем глаза всё равно замечала: он работает быстро, слаженно, без лишних движений. Как будто делал это сотни раз. Как будто его руки знали, куда нажимать, где оставить больше краски, где меньше.

— Где вы научились? — спросила она, когда пауза затянулась.

— В юности подрабатывал на стройках, — ответил Матвей, не отрываясь от стены. — Отец хотел, чтобы я знал бизнес изнутри. Сначала был разнорабочим, потом прорабом, потом начал строить сам.

— Вы не похожи на человека, который штукатурил стены.

— А на кого я похож?

Ася задумалась.

— На того, кто привык, чтобы штукатурили другие, — честно ответила она.

Матвей усмехнулся. Коротко, почти неслышно.

— Привычки не приходят с рождением, — сказал он. — Отец говорил: "Если ты не знаешь, как делается работа, ты не сможешь её контролировать". Он был прав.

Они работали ещё час. Стена постепенно преображалась — кремовый цвет делал холл светлее, воздушнее, живее. Ася отступила на шаг, оценила результат, перевела взгляд на Матвея. И рассмеялась.

— Что? — спросил он, насторожившись.

— У вас краска, — Ася показала пальцем на свою щёку. — На лице.

Матвей провёл рукой по лицу — размазал ещё больше. Теперь бежевая полоса шла от скулы к подбородку, делая его похожим на индейца в боевом раскрасе.

— Лучше? — спросил он.

— Гораздо, — Ася смеялась — впервые за много дней. Смеялась искренне, легко, без горечи. — Вы похожи на человека, который только что победил стену.

— Я и победил, — Матвей посмотрел на неё. И вдруг улыбнулся — той редкой, почти мальчишеской улыбкой, которую она уже видела один раз. — Мы победили.

Он посмотрел на свою руку, на краску, на Асю. И улыбнулся шире.

Ася смотрела на него и чувствовала, как внутри тает что-то холодное, заледеневшее. Таяло по чуть-чуть, неохотно — но таяло. Она приказала себе остановиться. Не смогла.

Вечером они сидели на ступеньках у входа. Остывший чай в бумажных стаканчиках, плед на коленях — один на двоих, потому что Ася вытащила его из комнаты, а Матвей просто сел рядом и натянул край на себя.

Ася не возражала.

Ноябрьский воздух был холодным, но небо — чистым. Звёзды высыпали на чёрный бархат, как бисер. Вдалеке лаяла собака, за лесом угадывалось зарево города.

Ася сжала стаканчик пальцами, чтобы согреться. И начала рассказывать.

Про Вадима. Про шесть лет, которые она прожила в бежевом. Про то, как он запрещал ей яркую помаду. Как говорил, что распущенные волосы — «неопрятно». Как смеялся над её желанием купить красное платье: «Ты не девочка, ты жена бизнесмена, веди себя соответственно».

— Я вела себя, — Ася усмехнулась в темноту. — Шесть лет. Я была идеальной. Удобной. Тихой. И всё равно не уберегла.

— Это не вы должны были беречь, — сказал Матвей.

Она повернулась к нему. В свете луны его лицо казалось высеченным из камня — резкие черты, волевой подбородок, тёмные глаза, которые сейчас смотрели не на неё, а куда-то вдаль.

— Он идиот, — сказал Матвей. — Вы не представляете, какая вы...

Он замолчал. Замер. Словно поймал себя на слове, которого не должен был произносить.

Ася ждала. Сердце колотилось где-то в горле — глупо, по-девичьи, как в шестнадцать лет.

— Какая? — спросила она тихо.

Матвей повернулся к ней. В темноте его глаза казались бездонными — чёрными, без зрачков. Он смотрел на неё долго. Так долго, что Ася перестала дышать.

— Сильная, — сказал он наконец. — Вы просто пока об этом не знаете.

Между ними что-то произошло. Что-то, чему у Аси не было названия. Не любовь — слишком рано и слишком громко. Не дружба — слишком тесно для дружбы. Просто... присутствие. Чувство, что она не одна. Что кто-то видит её — не «жену бизнесмена», не «бывшую жену Вадима Князева», а просто её. Асю. Ту, которая красит стены в шесть утра и спорит с поставщиками до хрипоты.

Матвей встал первым.

— Мне пора, — сказал он. — Завтра привезу образцы плитки для ванных. Нужно выбрать финишный вариант.

— Хорошо, — Ася тоже встала. Плед соскользнул с колен, повис на ступеньке.

Матвей накинул пальто. Посмотрел на неё ещё раз — быстро, почти незаметно. И ушёл в темноту, к своей машине, припаркованной у забора.

Через минуту заурчал двигатель. Фары выхватили из мрака деревья, забор, отель.

Ася осталась стоять на ступеньках. Сжимала остывший чай, который уже не пила. Смотрела вслед удаляющимся огням, пока они не растворились за поворотом.

Потом поднялась в свою комнату. Включила свет — не свечи, уже провели электричество. Подошла к зеркалу.

На щеке, у самой скулы, осталась полоса краски — кремовая, едва заметная. Она провела пальцем по щеке. Краска не смылась — въелась в кожу, высохла за день.

Ася смотрела на себя в зеркало — на уставшие глаза, на бледное лицо, на эту дурацкую полосу краски. И чувствовала, как внутри поднимается что-то тёплое. Что-то, что она пыталась похоронить вместе с браком.

— Это ничего не значит, — сказала она себе. Голос прозвучал неубедительно даже для неё самой.

Ася подошла к кровати, легла, натянула одеяло до подбородка.

Всю ночь ей снились стены. Кремовые стены, которые они красили вдвоём.

И чьи-то руки на талии — твёрдые, сильные, надёжные.

Она проснулась в пять утра с мыслью: «Сегодня он привезёт плитку».

И улыбнулась в темноту.

Визуал к главе 12

Глава 12. Платье

Матвей предупредил её в среду.

Они сидели в холле отеля — уже почти готовом, с вымытыми окнами, свежевыкрашенными стенами и новым светильником на потолке, который Ася выбирала три дня. Матвей приехал с образцами дверей, но вместо того, чтобы обсуждать массив дуба против шпона, он положил перед ней приглашение.

Чёрный картон, серебряные буквы. Благотворительный вечер фонда «Поколение». Место: «Метрополь». Дата: суббота.

— Мы идём, — сказал Матвей. — Это важно для сделок.

Ася взяла приглашение. Красивые буквы, дорогая бумага, сургучная печать — всё настоящее. Не фальшивка. Не под

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.